

Источник: Генрих VI. Часть третья. Перевод Е. Бируковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1957. Т. 1. С. 311-430. + Примечания, составленные А. Смирновым // Там же. С. 585-606.

311

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОРОЛЬ ГЕНРИХ VI.
 ЭДУАРД, Принц Уэльский, его сын.
 Людовик XI, король французский.
 ГЕРЦОГ СОМЕРСЕТ
 ГЕРЦОГ ЭКСЕТЕР
 ГРАФ ОКСФОРД
 ГРАФ НОРТЕМБЕРЛЕНД
 ГРАФ УЭСТМОРЛЕНД
 ЛОРД КЛИФФОРД
 РИЧАРД ПЛАНТАГЕНЕТ, ГЕРЦОГ ЙОРКСКИЙ.
 ЭДУАРД, граф Марч,
 затем КОРОЛЬ ЭДУАРД IV
 ЭДМУНД, граф Ретленд
 ДЖОРДЖ, затем ГЕРЦОГ КЛАРЕНС
 РИЧАРД, затем ГЕРЦОГ ГЛОСТЕР
 ГЕРЦОГ НОРФОЛК
 МАРКИЗ МОНТЕГЬЮ
 ГРАФ УОРИК
 ЛОРД ПЕМБРУК
 ЛОРД ХЕСТИНГС
 ЛОРД СТЕФФОРД
 СЭР ДЖОН МОРТИМЕР
 СЭР ГЬЮ МОРТИМЕР
 ГЕНРИ, Граф РИЧМОНД, юноша.
 ЛОРД РИВЕРС, брат леди Грей.
 СЭР Вильям СТЕНЛИ.
 СЭР ДЖОН МОНТГОМЕРИ.
 СЭР ДЖОН СОМЕРВИЛ.
 НАСТАВНИК РЕТЛЕНДА.
 МЭР ГОРОДА ЙОРКА.
 МЭР КОВЕНТРИ.
 КОМЕНДАНТ ТАУЭРА.

}
 сторонники
 короля Генриха.

}
 его сыновья.

}
 сторонники герцога
 Йоркского.

}
 дяди герцога
 Йоркского.

312

ДВОРЯНИН.
 Два сторожа.

Егерь.

Сын, убивший отца.

Отец, убивший сына.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

ЛЕДИ ГРЕЙ, впоследствии КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА, жена
Эдуарда IV.

БОНА, сестра французской королевы.

Солдаты, лица из свиты, гонцы, олдермены, стража и т. д.

Место действия – Англия и Франция.

313

АКТ I.

СЦЕНА 1.

Лондон. Зал парламента.

Барабанный бой. Входят ГЕРЦОГ ЙОРКСКИЙ, ЭДУАРД, РИЧАРД, НОРФОЛК,
МОНТЕГЬЮ, УОРИК *и солдаты.*

УОРИК

Дивлюсь, как мог от нас король спастись.

ЙОРК

Пока мы гнали конных северян,
Он ускользнул хитро, своих покинув.
Тогда великий лорд Нортемберленд,
Чей слух воинственный не переносит
Позорного сигнала к отступленью,
Ободрил оробевшие войска,
И разом он, лорд Клиффорд и лорд Стеффорд
На центр наш ринулись и в лютой схватке
Погибли от мечей простых солдат.

ЭДУАРД

А Стеффорда отец, лорд Бекингем,
Или убит, иль ранен тяжело;
Рассек ему забрало я с размаху.
Отец, смотри – вот кровь его.

(Показывает свой окровавленный меч.)

314

МОНТЕГЬЮ

А вот
Кровь графа Уильтшира, с которым я
В разгаре жаркой битвы повстречался.

Р И Ч А Р Д

Ты за меня скажи, что сделал я.

(Бросает на землю голову герцога Сомерсет.)

Й О Р К

Ты, Ричард, отличился больше всех. –
Вы, в самом деле, Сомерсет, мертвы?

Н О Р Ф О Л К

Ждет то же всех потомков Джона Ганта!

Р И Ч А Р Д

И Генриху снять голову надеюсь.

У О Р И К

А также я. – Победоносный Йорк,
Доколе не взодешь ты на престол,
Которым дом Ланкастеров владеет,
Клянусь всевышним, не сомкну я глаз.
Вот короля трусливого дворец
И там престол его. Владей им, Йорк;
Тебе по праву он принадлежит,
А не потомству Генриха Шестого.

Й О Р К

Так помоги мне – и свершится это;
Ведь силою мы ворвались сюда.

Н О Р Ф О Л К

Поможем все; кто побежит – умрет.

Й О Р К

Спасибо, Норфолк. – Здесь останьтесь, лорды.
И вы, солдаты, близ меня ночуйте.

У О Р И К

А коль придет король, его не троньте,
Пока не пожелает вас прогнать.

Солдаты уходят.

ЙОРК

Парламент созван королевой здесь;
Не ждет она, что будем мы в совете.
Добьемся ж прав своих мечом иль словом!

РИЧАРД

С оружием в руках здесь укрепимся.

УОРИК

Кровавым тот парламент назовется,
Коль герцог Йорк не станет королем,
А робкий Генрих не падет, чья трусость
В посмешище врагов нас обратила.

ЙОРК

Так будьте, лорды, мне верны и храбры;
Намерен я вступить в свои права.

УОРИК

Ни сам король, ни лучший друг его,
Ланкастера сторонник самый гордый,
Пошевелить крылами не дерзнет,
Лишь звякну я бубенчиком своим.
Я посажу тебя, Плантагенет;
Пусть кто-нибудь тебя посмеет вырвать.
Решайся же – короны требуй, Ричард.

Трубы.

Входят КОРОЛЬ ГЕНРИХ, КЛИФФОРД, НОРТЕМБЕРЛЕНД, УЭСТМОРЛЕНД,
ЭКСЕТЕР и другие.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Смотрите, лорды, где сидит мятежник, –
На королевском троне! Вздумал он
С поддержкой Уорика, злодея-пэра,
Короной завладеть, стать королем. –
Нортемберленд, отец твой им убит,
И твой, лорд Клиффорд. Оба вы клялись
Отмстить ему, и сыновьям, и близким.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Иначе мне пусть небо отомстит.

КЛИФФОРД

В надежде той ношу я сталь, как траур.

УЭСТМОРЛЕНД

Как! Это стерпим мы! Долой его!
Пылает гневом грудь, нет силы ждать.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Терпение, достойный Уэстморленд!

КЛИФФОРД

Терпение для трусов, вроде Йорка!
Он не сидел бы здесь, будь жив отец ваш.
В парламенте позвольте нам, властитель,
Напасть на Йорка и его семью.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Ты хорошо сказал. Да будет так.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Иль вы не знаете – их любит Лондон,
И за спиной у них стоят войска?

ЭКСЕТЕР

Но коль убьем его – все разбегутся.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Далеко сердце Генриха от мысли
Парламент этот в бойню превратить.
Знай, Эксетер, угрозы, речи, взгляды
Моим единственным оружием будут. –
Мятежный герцог Йорк, покинь мой трон
И на коленях вымоли прощенье.
Я – твой король законный.

ЙОРК

Нет, я – твой.

ЭКСЕТЕР

Стыдись! Ведь герцогом тебя он сделал!

ЙОРК

Мое наследье – герцогство и графство.

ЭКСЕТЕР

Отец твой был изменником престолу.

УОРИК

Ты изменяешь, Эксетер, престолу,
Идя за тем, кто захватил его!

КЛИФФОРД

За кем идти, как не за королем?

УОРИК

Да, Клиффорд, но король законный – Йорк.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Что ж, мне – стоять, тебе ж – сидеть на троне?

ЙОРК

Так быть должно и будет. Покорись.

УОРИК

Будь герцогом Ланкастерским отныне
И предоставь ему быть королем.

УЭСТМОРЛЕНД

Он и король и герцог он Ланкастер, –
Лорд Уэстморленд здесь это утверждает.

УОРИК

А Уорик отрицает. Вы забыли,
Что с поля битвы мы прогнали вас,
Отцов убили ваших и чрез город,
Знамена распустив, прошли к дворцу.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Нет, Уорик, помню это я с печалью;
Клянусь душой, раскаетесь вы в том.

УЭСТМОРЛЕНД

Плантагенет, похищу у тебя,
У сыновей твоих, у всей родни
И у твоих клеветов больше жизней,
Чем было капель крови у отца.

КЛИФФОРД

Молчи, не то я, Уорик, вместо слов
Тебе такого вестника пошлю.
Что миготом отомстит за смерть отца.

УОРИК

Смешон бессильный гнев твой, бедный Клиффорд!

ЙОРК

Докажем мы свои права на трон;
Коль нет, мечи их в поле отстоят.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Что за права твои на трон, изменник?
Отец твой был, как ты, лишь герцог Йоркский,
Твой дед был Роджер Мортимер, граф Марч, –
А мой отец король был Генрих Пятый,
Что покорил дофина и французов
И завладел страной и городами.

УОРИК

Не вспоминай о том, – ты все утратил.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Протектор все утратил, а не я;
Ребенком годовалым был я венчан.

РИЧАРД

Теперь ты взрослым стал и все теряешь. –
Отец, с захватчика сорви корону.

ЭДУАРД

Сорви, отец, и сам надень ее.

МОНТЕГЬЮ (*Йорку*)

Брат милый, чтишь и любишь ты оружие, –
Решим вопрос в бою; оставим спор.

РИЧАРД

Бить в барабан – и побежит король.

ЙОРК

Молчите, сыновья!

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Сам замолчи, дай королю сказать.

УОРИК

Пусть первый говорит Плантагенет.
Ему в молчании внимайте, лорды;
И кто прервет его, не будет жив.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Иль думаешь, что я покину трон,
Где восседали мой отец и дед?
Нет, прежде край опустошит война.
Пусть знамя, что за морем развевалось,
А нынче в Англии к печали нашей, –
Мне будет саваном. – Не бойтесь, лорды!
Я много больше прав, чем Йорк, имею.

УОРИК

Их докажи – и будешь королем.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Четвертый Генрих трон завоевал.

ЙОРК

Подняв восстание против короля.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ (*в сторону*)

Что мне сказать? Слабы мои права.

(*Громко.*)

Король избрать наследника ведь может?

ЙОРК

Что ж из того?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

А если может, – я король законный.
Ведь Ричард деду моему корону
Открыто передал; затем отец мой
Ему наследовал, а я – отцу.

ЙОРК

Мятеж он поднял против государя,
Отречься от венца его принудил.

320

УОРИК

Но если Ричард и отрекся, – все же
Права наследства остаются в силе.

ЭКСЕТЕР

Да, он ведь мог отречься от короны
Лишь с тем, чтоб царствовал его наследник.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Так против нас ты, герцог Эксетер?

ЭКСЕТЕР

Он прав, а потому прошу прощенья.

ЙОРК

Что шепчетесь вы, лорды? Отвечайте.

ЭКСЕТЕР

Твердит мне совесть: вы – король законный.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ (*в сторону*)

Все перейдут к нему, меня покинув!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Что б ты ни говорил, не думай, Йорк,
Что Генриха так просто низложить.

УОРИК

Он вопреки всему низложен будет.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Ошибся ты. Хоть ты силен на юге,
В Сеффолке, Норфолке, Эссексе, Кенте, –
Что дерзости придает тебе и гордость, –
Мне вопреки, не коронуешь Йорка.

КЛИФФОРД

Король мой Генрих, прав ты или нет,
Клянется Клиффорд защищать тебя.
Пускай земля, разверзшись подо мною,
Меня поглотит, если преклонюсь
Перед убийцей моего отца!

321

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

О Клиффорд! Ты мне сердце оживил.

ЙОРК

Генрих Ланкастер, откажись от власти, –

О чем вы совещаетесь, – милорды?

УОРИК

Признай монархом царственного Йорка,
Не то дворец наполнится войсками,
И на престоле этом напишу
Его права твоей, захватчик, кровью.

(Топает ногой.)

Появляются солдаты.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Лорд Уорик, выслушай одно лишь слово:
Пожизненно пусть буду королем.

ЙОРК

Мне и моим корону завещаю –
И будешь мирно царствовать до смерти.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Согласен я. Ричард Плантагенет,
Когда умру я, вступишь ты на трон.

КЛИФФОРД

Какое зло вы причинили сыну!

УОРИК

Какое благо вам самим и краю!

УЭСТМОРЛЕНД

Трусливый, низкий, слабодушный Генрих!

КЛИФФОРД

Как оскорбил ты и себя и нас!

УЭСТМОРЛЕНД

И слушать я об этом не могу!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Я тоже.

КЛИФФОРД

Пойдем, кузен, расскажем королеве.

УЭСТМОРЛЕНД

Прощай, пугливый выродок-король,
В чьем холодном сердце нет ни искры чести.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Отныне будь добычей дома Йорков;
Умри в цепях за свой поступок бабий!

КЛИФФОРД

Пусть разобьют тебя в войне свирепой,
Иль в мире прозябай, покинут всеми!

НОРТЕМБЕРЛЕНД, КЛИФФОРД и УЭСТМОРЛЕНД *уходят.*

УОРИК

Смотри сюда и отвернись от них.

ЭКСЕТЕР

Они отмстить хотят и не уступят.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Ах, Эксетер!

УОРИК

О чем, король, вздохнули?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Не о себе, лорд Уорик, но о сыне,
Который мной наследия лишен.
Но будь теперь, что будет.

(Йорку.)

Завещаю
Венец тебе и сыновьям твоим
С условием, чтоб ты принес мне клятву –
Междоусобную оставить брань,
Меня до смерти государем чтить,
Изменой и насильем не пытаясь
Меня низвергнуть и воссесть на трон.

ЙОРК

Даю охотно клятву и сдержу.

323

УОРИК

Да здравствует же Генрих, наш король –
Ричард Плантагенет, с ним обнимись.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Да здравствует и Йорк, – с детьми своими!
Йорк и Ланкастер ныне примирились.

ЭКСЕТЕР

Будь проклят, кто захочет их поссорить!

Трубы.

Лорды выступают вперед.

ЙОРК

Прощай, мой государь, вернусь в свой замок.

УОРИК

А я займу с моим отрядом Лондон.

НОРФОЛК

А я с друзьями в Норфолк удалюсь.

МОНТЕГЬЮ

А я вернусь в свои владенья, к морю.

Йорк, его сыновья, Уорик, Норфолк, Монтегью, солдаты и свита уходят.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

А я с тоской и скорбью – во дворец.

Входят КОРОЛЕВА МАРГАРИТА и ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ.

ЭКСЕТЕР

Вот королева: гневен взор ее,
Я удалюсь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Я тоже, Эксетер.

(Хочет уйти.)

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Не уходи, – я за тобой пойду.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Лишь будь спокойней, милая, – останусь.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

В такой беде кто может быть спокойным?
Несчастный! Лучше б умереть мне девой,
Не знать тебя и сына не рожать,
Коль ты такой отец бесчеловечный!
Чем заслужил он прав своих потерю?
Когда б его любил ты хоть немного
Иль мучился, как я, его рожая,
И выкормил, как я, своею кровью, –
Скорей бы отдал ты всю кровь свою,
Чем завещать венец злодею Йорку
И обездолить собственного сына.

Принц Уэльский

Отец, нельзя лишить меня престола.
Коль вы король, не я ли ваш наследник?

Король Генрих

Прости меня, жена. Прости, сын милый,
Меня принудил герцог Йорк и Уорик.

Королева Маргарита

Принудил? Ты король и принужден?
Мне стыдно это слушать, жалкий трус!
Ты погубил себя, меня и сына
И дому Йорка дал такую власть,
Что будешь царствовать с их разрешенья.
Ему с потомством завещать корону –
Что это, как не рыть себе могилу
И раньше срока залезать в нее?
Уорик – лорд-канцлер, правит он в Кале;
Командует проливом Фоконбридж;
Протектором страны стал герцог Йоркский, –
И в безопасности себя ты мнишь?
В такой же безопасности ягненок,
Свирепыми волками окруженный.
Хоть я и женщина, но будь я здесь,
Солдаты подняли б меня на копья
Скорей, чем я признала б договор.
Однако жизнь тебе дороже чести,
И потому я разойдусь с тобой;
Ни ложа, ни стола не стану, Генрих,
С тобой делить, пока не уничтожат
Акт, что лишил наследья Эдуарда

Отвергшие твои знамена лорды
Пойдут с моими, если разверну их,
А я тебе на зло их разверну
И на погибель злую дому Йорка.
Итак, прощай. – Идем со мною, сын!
Войска готовы наши; к ним примкнем.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Постой, мой друг, и выслушай меня.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Ты слишком много уж сказал. Уйди!

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Эдвард, мой милый – сын, со мной останься!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Чтоб здесь погибнуть от руки врагов?

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Когда я победителем вернусь,
Увижу вас; теперь пойду за нею.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Идем, мой сын; нам незачем здесь медлить.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА и ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ *уходят.*

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Ах, королева бедная! Любовь
Ко мне и к сыну моему внушила
Ей гневные, жестокие слова.
Пусть Йорку ненавистному отмстит,
Чей алчный дух, желаньем окрыленный,
Грозит венцу и, как орел голодный,
И мне и сыну растерзает плоть!
Трех этих лордов потерять мне тяжело.
Я напишу им, их увещевая. –
Идем, кузен; моим гонцом ты будешь.

ЭКСЕТЕР

И я надеюсь примирить их всех.

Уходят.

СЦЕНА 2.

Замок Сендел.

Входят ЭДУАРД, РИЧАРД и МОНТЕГЬЮ.

РИЧАРД

Брат, уступи мне, хоть моложе я.

ЭДУАРД

Я лучше роль оратора сыграю.

МОНТЕГЬЮ

Но доводы мои сильнее, крепче.

Входит ЙОРК.

ЙОРК

Как! Ссорятся мой брат и сыновья?
Из-за чего вы ссоритесь? Кто начал?

ЭДУАРД

Не спор, лишь небольшое разногласье.

ЙОРК

О чем?

РИЧАРД

О том, что вас касается и нас, –
Об английском венце, что ныне ваш.

ЙОРК

Моем? О нет, пока не умер Генрих.

РИЧАРД

Не от того права зависят ваши.

ЭДУАРД

Наследник вы, так пользуйтесь правами.
Коль вы вздохнуть Ланкастерам дадите,
Они обгонят вас в конце концов.

ЙОРК

Я клятву дал, что сохранит он власть.

ЭДУАРД

Как не нарушить клятву ради трона?

Чтоб год царить, я сотни их нарушу.

327

Р И Ч А Р Д

Нет, сохрани господь, нарушить клятву!

Й О Р К

Ее нарушу я, подняв оружие.

Р И Ч А Р Д

Я докажу противное, коль вы
Благоволите выслушать меня.

Й О Р К

Напрасно, сын мой: это невозможно.

Р И Ч А Р Д

Но клятва не имеет силы, если
Принесена не при властях законных,
Которым подчинен дающий клятву;
А Генрих незаконно трон присвоил,
И так как он от вас ту клятву принял,
Она, милорд, бессильна и ничтожна.
Итак, к оружию! Отец, подумай,
Как сладко на челе носить корону;
Элизиум она тебе дарит
И все восторги, что поэты славят.
Что медлить нам еще? Не успокоюсь,
Пока цветок свой белый не окрашу
Холодной кровью Генрихова сердца.

Й О Р К

Довольно, Ричард. Буду королем
Или умру! – Брат, в Лондон поспеши
И Уорика подбей на это дело. –
Ты, Ричард, к Норфолку сейчас поскачешь
И тайно сообщишь о нашем плане. –
Вы к лорду Кобему, Эдвард, отправьтесь.
За ним пойдут охотно люди Кента.
Я доверяю им: они солдаты,
Умны, учтивы, доблестны, храбры. –
Пока делам таким вы предадитесь,
Что мне останется, как не искать
К восстанию предлог, но в строгой тайне
От короля и всей его родни?

Входит ГОНЕЦ.

Постойте. – К нам спешишь с какою вестью?

328

ГОНЕЦ

Все лорды северные с королевой
Намерены ваш замок осадить;
Они уж близко – двадцать тысяч войска.
Итак, милорд, скорее укрепитесь.

ЙОРК

Мой меч при мне! Ужель бояться их? –
Эдвард и Ричард, вы со мной останьтесь,
А брат мой Монтегью помчится в Лондон.
Пусть Уорик, Кобем и другие лорды,
Оставшиеся охранять монарха,
Свой хитрый ум на помощь призовут,
Не веря клятвам Генриха глупца.

МОНТЕГЬЮ

Брат, ухожу; я их склоню, не бойтесь;
Итак, почтительно прощаюсь с вами.

(Уходит.)

Входит СЭР ДЖОН МОРТИМЕР и СЭР ГЬЮ МОРТИМЕР.

ЙОРК

Сэр Джон, сэр Гью, приветствую вас, дяди;
Вы в добрый час явились в замок Сендел, –
Нас королева хочет осаждать.

СЭР ДЖОН

Ей не придется, – встретимся с ней в поле.

ЙОРК

Как! Ведь у нас всего пять тысяч войска.

РИЧАРД

Хотя б всего пять тысяч, не беда.
Начальник – женщина: чего ж бояться?

Издали слышны звуки марша.

ЭДУАРД

Их барабаны! Выстроим войска

И, выступив, дадим сражение тотчас.

ЙОРК

Пять – против двадцати! Неравны силы.
Но все ж в победе я уверен, дядя.

329

Во Франции я часто побеждал,
Когда был в десять раз сильнее враг, –
Так почему ж не победить и нынче?

Тревога.

Уходят.

СЦЕНА 3.

Поле битвы между Сенделом и Уэкфилдом.

Шум сражения. Стачки.

Входят РЕТЛЕНД и его НАСТАВНИК.

РЕТЛЕНД

Куда мне скрыться? Как врагов избежать?
Смотри, наставник, вот кровавый Клиффорд.

Входит КЛИФФОРД с солдатами.

КЛИФФОРД

Прочь, капеллан! Твой сан тебя спасает,
Но герцога проклятого отродье,
Того, кем мой отец убит, – умрет!

НАСТАВНИК

И я, милорд, с ним участь разделю.

КЛИФФОРД

Убрать его, солдаты.

НАСТАВНИК

Ах, пощади невинного ребенка
Иль будешь проклят богом и людьми.

(Уходит, увлекаемый солдатами.)

КЛИФФОРД

Ну что? Он мертв уже? Иль это страх
Ему закрыл глаза? Я их открою.

РЕТЛЕНД

Так смотрит в клетке пленный лев на жертву,
Дрожащую в его свирепых лапах,
Так бродит, радуясь своей добыче,
Так приближается, чтоб рвать на части. –

330

Ах, милый Клиффорд! Лучше уж убей
Меня мечом, чем этим грозным взглядом.
Любезный Клиффорд, дай сказать пред смертью;
Я чересчур ничтожен для тебя;
Мсти взрослым, а меня оставь в живых.

КЛИФФОРД

Напрасно говоришь, несчастный мальчик,
Смерть моего отца врата замкнула,
Куда б могла проникнуть речь твоя.

РЕТЛЕНД

Кровь моего отца откроет их;
Он муж, и с ним померяйся ты, Клиффорд.

КЛИФФОРД

Будь братья здесь твои, все жизни ваши
В груди не утолили б жажды мести.
Когда б я взрыл могилы ваших предков,
Гробы гнилые заковал цепями, –
И это бы не усмирило гнева,
Не облегчило б сердца моего.
Вид каждого, кто носит имя Йорка,
Как фурия, терзает душу мне.
Пока не истреблю их род проклятый,
Всех до последнего, мне жизни нет;
И потому...

(Заносит над ним руку.)

РЕТЛЕНД

О, дай мне помолиться перед смертью!
Молю тебя, любезный Клиффорд, сжался!

КЛИФФОРД

Мечом лишь оказать могу я жалость.

РЕТЛЕНД

Я никогда тебе вреда не делал, –
За что меня ты хочешь убивать?

КЛИФФОРД

Вредил отец.

РЕТЛЕНД

До моего рожденья.
Но у тебя есть сын, и ради сына

331

Мне окажи пощаду, а не то
В отмщение – ведь справедлив господь –
И сын твой смертью страшною умрет.
Ах, продержи меня в тюрьме всю жизнь,
И если дам я повод к раздраженью,
Убей меня; теперь же – нет причины.

КЛИФФОРД

Причины нет?
Отец мой умерщвлен твоим. Умри же.

(Закалывает его.)

РЕТЛЕНД

Di faciant laudis summa sit ista tuae¹!

(Умирает.)

КЛИФФОРД

Плантагенет! Иду, Плантагенет!
И пусть от крови сына твоего
Клинок мой будет ржаветь до тех пор,
Пока ее с твоею не смешаю, –
Тогда их разом я сотру с меча.

(Уходит.)

СЦЕНА 4.

Другая часть поля сражения.

Шум битвы.

Входит ЙОРК.

ЙОРК

Рать королевы одержала верх;

Меня спасая, пали в битве дяди;
Сторонники мои перед врагами
Свирепыми испуганно бегут,
Как бурей гонимые суда
Иди ягнята от волков голодных.
А сыновья – бог весть, что с ними; знаю
Одно: они сражались, как герои,
Которых слава ждет живых иль мертвых.
Путь пробивал ко мне три раза Ричард

332

И мне кричал: «Отец, держись! Мужайся!»
И столько ж раз ко мне Эдуард являлся
С мечом, окрашенным до рукояти
Пурпурной кровью тех, кого он встретил»
Когда же отступали храбрецы,
Кричал им Ричард: «В бой! Ни шагу вспять!»
Еще кричал: «Корона или гроб!»
Могила славная в земле иль скипетр!»
Ударили мы снова, но – увы! –
Вновь отступили: так порою лебедь
Стремится тщетно выплыть против воля,
В борьбе с течением теряя силы.

Шум битвы за сценой.

Чу! Близится погоня роковая.
Я слаб, – от злобы их не убежать!
Но будь я крепок, все ж не побежал бы.
Песчинки жизни сочтены в часах.
Здесь я останусь, здесь окончу жизнь.

Входят КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, КЛИФФОРД, НОРТЕМБЕРЛЕНД и солдаты.

Сюда, Нортемберленд, кровавый Клиффорд!
Я вашей ярости бросаю вызов,
Мишень я ваша и удара жду.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

На милость нашу сдайся, гордый Йорк.

КЛИФФОРД

Такую же ему окажем милость,
Какую беспощадною рукой
Он моему отцу на поле битвы
Когда-то оказал, сводя с ним счеты,
Но с колесницы пал здесь Фаэтон –

И мраком час полуденный сменился.

ЙОРК

Из пепла моего восстанет феникс,
И отомстит он за меня всем вам.
В надежде этой взор возвел я к небу
И презираю все, чем вы грозите.
Что ж медлите? Не подойдете ближе?
Вас множество – ужели вы боитесь?

333

КЛИФФОРД

Так трус дерется, если нет спасенья;
Так голубь когти сокола клюет;
Так вор, отчаявшись в своем спасенье,
На полицейских изрыгает брань.

ЙОРК

О Клиффорд! Мыслью обратись назад,
И жизнь минувшую мою припомни,
И, не краснея, мне взгляни в лицо,
И прикуси язык, назвавший трусом
Того, чей взор в дрожь повергал тебя.

КЛИФФОРД

Не стану я с тобою препираться,
Но на удар твой четырьмя отвечу.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Стой, храбрый Клиффорд! Тысяча причин
Есть у меня продлить злодею жизнь. –
От гнева глух! – Скажи, Нортемберленд.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Стой, Клиффорд! Много чести для него,
Коль, в грудь его разя, свой палец ранишь.
Иль это храбрость – шавке зарывавшей
Засунуть руку в пасть между зубов,
Когда ногой ее отбросить можно?
В сражение все простительно: пускай
Дерутся десять против одного, –
Для доблести их это не зазорно.

Они хватают ЙОРКА, который отбивается.

КЛИФФОРД

Да-да, так бьется тетерев в силке.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Так мечется попавший в сети кролик.

ЙОРК

Так с торжеством берут добычу воры;
Так честный муж разбойникам сдается.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Что, государыня, нам делать с ним?

334

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Достойный Клиффорд и Норттемберленд,
Пусть станет здесь он, на кротовой кочке, –
Он, что к вершинам руки простирал,
Но только тень рассек своей рукою. –
Как! Это ты хотел стать королем?
Ты ль бушевал в парламенте у нас,
Превознося свой знатный род сто раз?
Где кучка сыновей, твоя защита, –
Эдвард распутный и веселый Джордж?
И где отважный твой урод горбатый,
Сынок твой Дик, что голосом ворчливым
К восстанию папашу подстрекал?
И, наконец, где твой любимец Ретленд?
Йорк, погляди! Платок я омочила
В его крови, которую из сердца
Исторг мечом победоносный Клиффорд.
Коль хочешь сына милого оплакать,
Возьми платок, чтоб слезы утереть.
Ах, бедный Йорк! Тебе я сострадала б,
Не будь ты ненавистен мне смертельно.
Скорби, чтоб мне развеселиться, Йорк.
Как! Пламень сердца грудь твою всю выжег?
О Ретленде слезинки не прольешь?
Зачем ты сдержан? Должен ты беситься:
Чтоб ты бесился, над тобой смеюсь.
Злись, топай, буйствуй, – стану петь, плясать.
Награды ждешь ты, вижу, за потеху? –
Йорк без короны говорить не может.
Корону Йорку! Лорды, преклоняйтесь.
Держать его, пока ему надену.

(Надевает Йорку на голову бумажную корону.)

Да, вот теперь он смотрит королем.
Так вот кем Генриха престол захвачен,
Так вот кто был наследником назначен!
Но почему так рано коронован
Великий Йорк? Зачем нарушил клятву?
Царить вам, помнится, тогда лишь должно,
Когда глаза навек закроет Генрих.
Но вы хотите в сан его облечься
И с головы его сорвать корону
Еще при жизни, клятве вопреки?
О, непростительна вина такая! –

335

Долой венец – и голову с венцом!
В единый миг покончим с наглецом!

КЛИФФОРД

Свершу свой долг и за отца отмщу.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Нет, стой, послушаем его молитвы.

ЙОРК

Ты злей волков, французская волчица,
И твой язык ехидны ядовитей!
Как не пристало полу твоему
Торжествовать, подобно амазонке,
Над горем тех, кто сокрушен судьбой!
Не будь твое бесстыжее лицо,
Привыкшее скрывать твои злодеяния,
Столь неподвижно гладким, как забрало,
Тебя, гордячка, в краску б я вогнал,
Сказав, откуда ты, какого рода;
Стыдить бы стал, когда б ты знала стыд.
Родитель твой зовется королем
Иерусалимским, Неаполитанским
И Сицилийским, но на деле он
Беднее, чем английский поселянин.
Не он ли дерзостям тебя учил?
Но пользы нет от них тебе, гордячка;
Ты только подтверждаешь поговорку:
«Коня загонит нищий, сев верхом».
Красой нередко женщины гордятся,

Но, видит бог, в тебе ее немного.
Их добродетель восхищает нас,
Но ты обратным поражаешь всех.
Их сдержанность нам кажется небесной,
А ты чудовищна своим развратом.
Ты далека от всякого добра,
Как антиподы далеки от нас,
Или как юг от севера далек.
О сердце тигра в женской оболочке!
Смочила ты платок в крови ребенка
И слезы утереть даешь отцу, –
И все же образ женщины ты носишь?
Но женщины добры, нежны, покорны, –
Ты ж зла, груба, сурова, непреклонна,
Взбесить меня ты хочешь? Я взбешен.

336

Ты хочешь, чтоб я плакал? Я рыдаю.
Вихрь бешеный к нам пригоняет ливни;
Утихнет ярость – и прольется дождь.
По Ретленде поминки – эти слезы,
И каждая их капля вопиет
О мщении тебе, свирепый Клиффорд, –
Коварная француженка, тебе!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Ей-богу, так сильны в нем гнев и скорбь,
Что слезы я едва могу сдержать.

ЙОРК

Его лицо голодный каннибал –
И тот бы пощадил, не залил кровью;
Но вы жесточе и бесчеловечней,
О, злее в десять раз гирканских тигров!
Смотри, безжалостная королева,
На слезы злополучного отца!
В кровь отрока ты окунула ткань, –
А я слезами смою эту кровь.
Возьми платок, иди и хвастай им;
И если правду страшную расскажешь,
Клянусь душою, люди станут плакать;
Мои враги – и те слезу уронят.
И скажут: «Это жалости достойно».
Бери же мой венец и с ним проклятье;
Такую же отраду встретить в несчастье,

Какую мне дала рукой свирепой! –
Срази меня, жестокосердный Клиффорд!
Пускай душа моя летит на небо
А кровь – на ваши головы падет!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Будь палачом он всей моей родне,
Не мог бы я не зарыдать с ним вместе
При виде мук, что грудь ему терзают.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Как! Ты готов рыдать, Нортемберленд?
Припомни зло, что нам он причинил –
И высохнут мгновенно эти слезы.

337

КЛИФФОРД

Вот за отца, вот в исполнение клятвы!

(Закалывает его.)

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

А вот за мягкосердного монарха.

(Тоже наносит удар.)

ЙОРК

Дверь милосердия отверзни, боже!
К тебе сквозь раны дух мой отлетает.

(Умирает.)

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Снять голову, прибить к воротам Йорка:
Пусть Йорк обзревает город свой.

Трубы.

Уходят.

338

АКТ II.

СЦЕНА 1.

Равнина близ Креста Мортимера в Херифордшире.

Марш.

Входят ЭДУАРД и РИЧАРД с войсками.

ЭДУАРД

Хотел бы знать я, как отец наш спасся,
И удалось иль нет ему избежать
Погони Клиффорда с Нортемберлендом.
Будь взят он в плен, до нас дошла бы весть;
Будь он убит, до нас дошла бы весть;
А если бы он спасся, мы б имели
Известье радостное о спасенье. –
Но что с тобою, брат? Ты так печален!

РИЧАРД

Не радоваться мне, пока всей правды
О доблестном отце я не узнаю.
Я видел, как носился он в сраженье;
Заметил я: он Клиффорда искал.
Казалось мне, в густой толпе врагов
Он был, как лев среди коров пугливых,
Иль как медведь среди собачьей своры:
Иных, примяв, визжать заставит зверь,
Другие лают, стоя в стороне, –
Так ваш отец с врагами расправлялся,

339

Так враг бежал от нашего отца.
Большая честь – героя сыном быть. –
Смотри: открыв ворота золотые,
Прощается заря с победным солнцем;
На щеголя-юнца оно походит,
Что пред своей красуется любимой.

ЭДУАРД

Мне чудится, иль вижу я три солнца?

РИЧАРД

Три ясных, три победоносных солнца,
Не рассеченных слою облаков,
Но видимых раздельно в бледном небе.
Смотри, смотри, слились, как в поцелуе,
Как бы клянясь в союзе нерушимом;
Теперь они единым блеском стали,
Единым светочем, единым солнцем!

Каких событий это вещий знак?

ЭДУАРД

Да, странный знак, чудесный, небывалый!
Он, мнится, брат, нас призывает в поле,
Чтоб мы, три сына доблестного Йорка,
Блистая каждый собственной славой,
Теперь слили в одно свои лучи
И озарили землю, словно солнце.
Но, что б ни означало это, впредь
Носить три солнца буду на щите.

РИЧАРД

Нет, лучше три луны, сказать осмелюсь:
Ведь ты предпочитаешь женский пол.

Входит ГОНЕЦ.

Но кто ты? Взор твой мрачный предвещает,
Что новость жуткую расскажешь ты.

ГОНЕЦ

Ах, я один из тех, кто с болью видел,
Как умерщвлен был благородный Йорк,
Ваш царственный отец, мой господин!

ЭДУАРД

О, замолчи! Сказал ты слишком много.

340

РИЧАРД

Скажи, как умер он? Я знать хочу.

ГОНЕЦ

Он окружен был множеством врагов;
Их отражал, как Гектор, слава Трои,
Оборонял мечом от греков Трою.
Но и Геракл один не сладит с войском;
И если часто повторять удары,
Хоть мал топор, но дуб могучий срубит.
Отец ваш побежден руками многих,
Но злобною рукой его сразили
Лишь Клиффорд яростный и королева.
Она ему, глумясь, венец надела;
Когда же он от горя зарыдал, –
Дала ему, чтоб слезы утереть,

Платок, омоченный в крови невинной
Малютки Ретленда, который был
Жестокосердным Клиффордом сражен,
И после злых ругательств и обид,
Сняв голову ему, ее прибили
К воротам Йорка, – там теперь она.
Печальней зрелища я не видал!

ЭДУАРД

О милый герцог Йорк! Опора наша!
Тебя не стало, и наш посох отнят.
О Клиффорд! О неукротимый Клиффорд!
Цвет рыцарства Европы ты убил!
Предательски ты одолел его;
Тебя он одолел бы в поединке.
Тюрьмою стал дворец моей души.
Ах, если бы ей вырваться оттуда,
Чтоб тело обрело в земле покой!
О, никогда мне радости не видеть!
Всех радостей отныне я лишен!

РИЧАРД

Не в силах плакать я: вся влага тела
Огня в горниле сердца не зальет;
Не облегчить речами бремя сердца.
Ведь самое дыханье слов моих
В груди раздует угли и сожжет
Меня огнем, что залили бы слезы.

341

Рыдания ослабляют горечь мук...
Нет, слезы – детям; мне ж удел – отмщенье!
О Ричард! Имя я твое ношу.
Отмщу за смерть твою или умру,
Себя прославив дерзкою попыткой.

ЭДУАРД

Тебе оставил имя славный герцог,
Мне ж герцогство и сан оставил он.

РИЧАРД

Коль ты птенец могучего орла,
Взглянув на солнце, докажи свой род, –
Скажи: не «герцогство и сан», а «трон
И королевство»; иль они твои,

Иль ты не сын прославленного Йорка.

Марш.

Входят УОРИК и МОНТЕГЬЮ с войсками.

УОРИК

Что, лорды? Как дела? Какие вести?

РИЧАРД

Могучий Уорик! Если перескажем
Мы злую нашу весть, при каждом слове
Себе пронзая грудь, пока не кончим, –
Слова больней ударов будут нам.
О славный лорд, великий Йорк убит!

ЭДУАРД

Ах, Уорик, Уорик! Тот Плантагенет,
Который так тобою дорожил,
Как собственной души своей спасеньем,
От Клиффорда свирепого погиб.

УОРИК

Уж десять дней, как я омыл слезами
Ту весть; но чтоб усилить ваше горе,
Все, что потом случилось, расскажу.
Вслед за кровавым Уэкфилдским сраженьем,
Где испустил свой дух отец ваш храбрый.
Ко мне домчались спешные известья

342

О поражение и его кончине.
Я, в Лондоне стерегший короля,
Стянул войска, собрал толпу друзей
И, как мне думалось, вполне готовый,
К Сент-Олбенсу направился с войсками,
Чтобы пресечь дорогу королеве.
Я короля с собою взял нам в помощь,
Узнав через разведчиков своих,
Что двинулась она, чтоб уничтожить
Последнее парламента решение
О вашем праве на престол английский.
Короче, у Сент-Олбенса сошлись мы,
И оба войска яростно сражались.
Но хладнокровие ли короля,
Что за супругой с нежностью следил,

В моих войсках убило бранный пыл,
Иль слухи о победах королевы,
Иль просто страх пред Клиффордом свирепым,
Грозившим страшною расправой пленным, –
Судить я не берусь, но, молвить правду,
Как молнии сверкали их мечи,
А наши воины мечом махали,
Как филины ленивые крылами,
Иль как цепом ленивый молотильщик;
Казалось, бьют приятелей своих.
О нашей правоте им говорил я
И ободрял, награды обещая, –
Напрасно: мужества они лишились,
А мы чрез них – надежды на победу.
Бежали мы, король же – к королеве.
Лорд Джордж, ваш брат, я сам и герцог Норфолк
Соединиться с вами поспешили,
Узнав, что пребываете вы здесь
И рать собираете для новой битвы.

ЭДУАРД

А где же герцог Норфолк, добрый Уорик?
Давно ль вернулся от бургундцев Джордж?

УОРИК

С войсками герцог за шесть миль отсюда;
А что до брата вашего, он послан
Бургундской герцогиней, вашей теткой,
С отрядом войск, чтоб вам помочь в войне.

343

РИЧАРД

Огромен, верно, был их перевес,
Коль обратился в бегство храбрый Уорик.
Слышал я, он преследовать умеет,
Но не слышал, чтоб он бежал постыдно.

УОРИК

Про стыд мой и теперь ты не услышишь.
Знай, этой мощною рукой могу
Сорвать корону с вялого монарха
И грозный скипетр выхватить из рук,
Хотя б он так же славился отвагой,
Как благочестьем, кротостью, смиреньем.

Р И Ч А Р Д

Я это знаю, Уорик, не сердись;
Твоею славой дорожа, сказал я.
Но что же предпринять нам в день тревоги?
Железные кольчуги снять, облечься
В одежды траурные и по четкам
Отсчитывать свои «Ave, Maria²»
Иль мстительной рукою начертать
На шлемах вражеских молитвы наши?
Коль так решим, – тогда скорей за дело!

У О Р И К

О да, затем и разыскал я вас,
Затем пришел и брат мой Монтегью.
Прошу вас выслушать меня, милорды.
Гордячка дерзостная королева,
Нортемберленд высокомерный, Клиффорд
И много птиц подобной же породы
Монарха, сердцем мягкого, как воск,
Своей жестокой воле подчинили.
Вам передать наследье он поклялся, –
В парламенте записана та клятва, –
Теперь же в Лондон двинулась вся шайка,
Чтоб уничтожить клятву ту и все,
Что может быть Ланкастерам во вред.
У них должно быть тридцать тысяч войска;
И коль подмога Норфолка с моею
И с тем отрядом из друзей, граф Марч,

344

Что наберешь ты средь валлийцев верных,
Составят вместе тысяч двадцать пять, –
Тогда вперед! Направим путь свой в Лондон.
Поскачем вновь на взмыленных конях
И крикнем вновь: «Руби! Круши врага!»,
Но никогда не побежим назад.

Р И Ч А Р Д

Вновь Уорика великого я слышу.
Пусть не увидит солнца, кто решится
Кричать: «Назад!», когда велит он биться.

Э Д У А Р Д

Лорд Уорик, обопрусь я на тебя,

И если ты, не дай бог, будешь сломлен, –
И я паду. Оборони нас, боже!

УОРИК

Ты был граф Марч, теперь ты герцог Йорк,
А следующий шаг – престол английский.
Ты будешь королем провозглашен
Во всех местечках, городах, поселках,
Которые мы встретим на пути.
И кто с восторгом не подбросит шапку,
Поплатится за это головой. –
Король Эдуард, брат Монтегью и Ричард,
Довольно нам о славе здесь мечтать;
Пусть трубы грянут, и скорей за дело.

РИЧАРД

Будь, Клиффорд, у тебя стальное сердце
Как показали нам твои поступки, –
Пронжу его или свое утрачу.

ЭДУАРД

Бей, барабан! Святой Георгий с нами!

Входит ГОНЕЦ.

УОРИК

Ну что? Какие вести?

ГОНЕЦ

Велел мне герцог Норфолк вам сказать, –
Что близко с мощным войском королева.
На совеща́нье спешно вас зовет он.

345

УОРИК

Отлично! Храбрые бойцы, вперед!

(Уходит.)

СЦЕНА 2.

Перед Йорком.

Трубы.

*Входят КОРОЛЬ ГЕНРИХ, КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ,
КЛИФФОРД и НОРТЕМБЕРЛЕНД с барабанным боем и трубами.*

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Привет вам, государь мой, в славном Йорке.
Вот голова проклятого врага,
Что вздумал завладеть короной вашей.
Не радуется ли этот вид вам сердце?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Как моряка – скала перед крушением,
Мне душу это зрелище гнетет. –
Карающую руку удержи,
Великий боже! Нет на мне вины:
Ведь клятву я без умысла нарушил.

КЛИФФОРД

Мой государь, избыток доброты
И гибельная жалость тут – нехстати.
Кого встречает кротким взором лев?
Не тех, кто завладел его пещерой.
Чью руку лижет ласково медведь?
Не ту, что похищает медвежат.
Кто жала смертоносных змей избегнет?
Не тот, кто попирает их ногой.
И червь, коль на него наступят, вьется;
И горлицы, потомство защищая,
Жестокого обидчика клюют.
Йорк дерзновенный на венец твой метил, –
Ты улыбался, он же хмурил брови.
Он, герцог, прочил сына в короли,
Мечтал его, наследника, возвысить,
А ты, король, благословленный сыном,
Лишить его наследства согласился,
Себя отцом холодным показав!

346

Тварь неразумная детей питает;
Хоть птицам страшен человека вид,
Но все ж, птенцов своих обороняя, –
Не думая трусливо улетать, –
Вы видели не раз, – крылами бьют
Того, кто проникает к ним в гнездо,
И жертвуют собою за птенцов.
Стыдись, властитель! С них бери пример.
Печально, если юноша достойный
Виною отца лишится прав наследства

И после скажет сыну своему:
«Что прадед мой и дед приобрели,
Отец беспечный отдал неразумно».
Какой позор! На юношу взгляни.
Пусть мужественный вид, сулящий принцу
Успехи, сердце закалит тебе,
Чтоб ты сберег свое добро для сына.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Ты говорил, как опытный оратор,
И доводы сильнейшие привел.
Скажи, однако, разве не слышал ты,
Что впрок нейдет неправдой нажитое?
И счастлив ли наследник, чей отец
За скопидомство утодил в геенну?
Я добрые дела оставляю сыну,
И был бы рад, когда бы мой отец
Мне ничего другого не оставил!
За прочее мы слишком много платим:
Хранить его – заботы больше стоит,
Чем радости приносит обладанье. –
Брат Йорк! Когда б твои друзья узнали,
Как тяжек мне вид головы твоей!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Воспряньте духом, государь! Враг близок,
И вы друзей смутите малодушьем.
Сан рыцарский вы обещали сыну,
Так обнажите меч и посвятите
Скорей его. – Эдвард; склони колено.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Вставь рыцарем, Эдвард Плантагенет.
Меч обнажай для праведных побед.

347

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Отец мой добрый, с вашего согласия
Я обнажу его, как ваш наследник,
И буду драться в этом споре насмерть.

КЛИФФОРД

Ответ, достойный доблестного принца!

Входит Гонец.

Г О Н Е Ц

Державные вожди, готовы будьте:
С отрядом в тридцать тысяч человек
Подходит Уорик, чтоб за Йорка биться;
Его они по городам и селам
Везде провозглашают королем,
И многие перебегают к ним.
К сражению готовьтесь – близок враг.

К Л И Ф Ф О Р Д

Вам лучше, государь, покинуть поле.
Без вас верней удача королевы!

К О Р О Л Е В А М А Р Г А Р И Т А

Да, удались, наш добрый повелитель,
И предоставь нас собственной судьбе.

К О Р О Л Ъ Г Е Н Р И Х

У нас одна судьба; останусь с вами.

Н О Р Т Е М Б Е Р Л Е Н Д

Но лишь приняв решение сражаться.

П р и н ц У э л ь с к и й

Ободрите, отец державный, лордов;
Вдохните пыл в бойцов и, меч подняв,
Воскликните: «Святой Георгий с нами!»

Марш.

*Входят Эдуард, Джордж, Ричард, Уорик, Норфолк, Монтегью и
солдаты.*

Э Д У А Р Д

Клятвопреступник Генрих! О пощаде
Моли меня, колени преклонив;
Мне возложи на голову корону
Иль счастье испытай в смертельной битве.

348

К О Р О Л Е В А М А Р Г А Р И Т А

Брани любовниц, дерзостный мальчишка!
Как смеешь ты столь нагло говорить
С твоим монархом, королем законным?

Э Д У А Р Д

Я – государь; ему – склонять колени.
Наследником я стал с его согласия,
Но клятву он нарушил. Я слышал,
Что правишь ты, хоть носит он корону.
Его склонила ты издать закон
Парламентский, где, вычеркнув меня,
Подставил имя собственного сына.

КЛИФФОРД

И справедливо:
Кто, как не сын, отцу прямой наследник?

РИЧАРД

Ты здесь, мясник? – О, говорить нет сил!

КЛИФФОРД

Я здесь, горбун. Готов тебе ответить
И всем тебе подобным гордецам.

РИЧАРД

Ведь юный Ретленд был тобой убит?

КЛИФФОРД

И старый Йорк, но все еще мне мало.

РИЧАРД

Сигнал подайте к битве, ради бога!

УОРИК

Уступишь, Генрих, мне свою корону?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Свой придержи язык, болтливый Уорик;
Когда в Сент-Олбенсе мы повстречались,
Вам пригодились ноги больше рук.

УОРИК

Был мой черед бежать, теперь же – твой.

349

КЛИФФОРД

Так говорил в тот раз ты – и бежал.

УОРИК

Не ваша храбрость погнала нас, Клиффорд.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Но мужество не удержало вас.

РИЧАРД

Нортемберленд, хочу я быть с тобою
Почтительным. Брось эти пререканья.
Едва я в силах сердце обуздать,
Что рвется мстить детоубийце злomu.

КЛИФФОРД

Отец твой мной убит, – он не дитя.

РИЧАРД

Как трус, его убил ты, как предатель;
И так же умерщвлен мой нежный Ретленд.
Но скоро ты свой подвиг проклянешь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Довольно, лорды; дайте мне сказать.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Брось вызов им, иль уст не размыкай.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Прошу, не ставь моим речам преграды:
Ведь я король и волен говорить.

КЛИФФОРД

Не исцелить словами, государь,
Нам раны, породившей эту встречу,
А посему замолкнуть лучше вам.

РИЧАРД

Так обнажай, палач, скорей свой меч.
Клянусь создателем, я убежден,
Что доблестен ты только на словах.

350

ЭДУАРД

Скажи, мои права признаешь, Генрих?
Отдай венец, иль тысячи людей,
Что завтракали нынче поутру,
Не будут больше никогда обедать.

УОРИК

Их кровь падет на голову твою:
Ведь лишь за правду поднял Йорк оружие.

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Коль правда то, что Уорик назвал правдой,
Неправды больше нет, – все в мире правда.

РИЧАРД

Кто б ни зачал тебя, вот мать твоя:
Ты унаследовал ее язык.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

А ты не вышел ни в отца, ни в мать,
Но – безобразный, мерзостный урод –
Судьбой отмечен, чтоб тебя бежали,
Как ядовитых ящериц иль жаб.

РИЧАРД

Ты, неаполитанское железо,
Покрытое английской позолотой!
Отец твой носит королевский титул, –
Как будто лужа может зваться морем!
Иль не стыдишься, зная, кто ты родом,
Речами скверну сердца обнажать?

ЭДУАРД

Дам тысячу я крон за пук соломы,
Чтоб привести в сознание эту шлюху.
Красивее тебя была Елена;
Хоть Генрих может зваться Менелаем,
Но брат Агамемнона никогда
Так не был оскорблен женой коварной,
Как твой супруг тобой. Его отец
Отпраздновал во Франции победы;
Смирил он короля, смирил дофина,
И если б сын его себе избрал
Жену, вполне достойную по сану,
И сын бы эту славу сохранил.
Но нищенку он взял себе на ложе,

351

И вознесен был жалкий твой отец.
Но сразу солнца луч сменился ливнем,
Унесшим все заморские победы
И причинившим внутренний раздор.

Не ты ль, гордячка, породила смуту?
Будь кроткой ты, дремало б наше право,
И мы, жалея доброго монарха,
Свои бы отложили притязанья.

Д Ж О Р Д Ж

Но увидав, что солнцем дома Йорка
Порождена твоя весна, а лето
Нам не приносит жатв, подсекли мы
Твой чужеродный корень топором;
Хоть нас самих задело острие,
Все ж знай: начав рубить – не перестанем,
Пока тебя мы не повергнем в прах,
Иди цветенье буйное твое
Не оросим своей горячей кровью.

Э Д У А Р Д

Решился я: тебе бросаю вызов!
Переговоров больше не желаю.
Ты говорить мешаешь королю. –
Трубите сбор! Вздыхайте стяг кровавый!
Могила ждет нас иль победы слава.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Стой, Эдуард!

Э Д У А Р Д

Нет! Обойдутся в десять тысяч жизней,
Строптивая, твои слова отчизне.

(Уходит.)

СЦЕНА 3.

Поле сражения между Таутоном и Секстоном в Йоркшире.

Шум битвы. Стычки.

Входит УОРИК.

У О Р И К

Измучен, словно бегом скороход,
Прилягу здесь, чтоб дух перевести.

Удары, что я принял и нанес,
Лишили сил мои тугие мышцы –
И, будь что будет, отдохнуть я должен.

Вбегает ЭДУАРД.

ЭДУАРД

О небо, улыбнись! Иль, смерть, рази!
День хмур, затмилось солнце Эдуарда.

УОРИК

Что, государь? Есть на успех надежда?

Входит ДЖОРДЖ.

ДЖОРДЖ

Надежды нет у нас, пропало все!
Наш сломлен строй, за нами гибель мчится.
Скажи, что делать нам? Куда бежать?

ЭДУАРД

К чему бежать? Они на крыльях мчатся.
Мы слабы – не уйти нам от погони.

Входит РИЧАРД.

РИЧАРД

Ах, Уорик! Почему ты удалился?
Уже всосала жадная земля
Кровь брата твоего, что пролил Клиффорд
Стальным копьем; кричал он в смертных муках, –
И разносился голос, как набат:
«Уорик, мой брат, отмсти за смерть мою!»
Так, распростерт под брюхами коней,
Окрашивая кровью их копыта,
Лорд благородный испустил свой дух.

УОРИК

Так пусть земля упьется нашей кровью!
Убью коня, – не побегу отсюда.

353

Что мы стоим здесь, о потерях плача,
Как женщины, меж тем как враг бушует,
И смотрим, словно перед нами драма,
Актерами разыгранная в шутку?
Клянусь я на коленях пред всевышним,
Не отдохну, не перестану биться,
Пока мне очи не закроет смерть
Иль рок не даст исполнить меру мщенья.

ЭДУАРД

Уорик! Колени преклоню с тобой
И душу клятвою свяжу с твоею!
И прежде чем с земли холодной встать,
Взор, руки, сердце обращаю к тому,
Кто королей возводит и свергает. –
Молю тебя, когда тебе угодно,
Чтобы врагам досталась эта плоть, –
Пускай разверзнутся врата небес
И примут душу грешную мою. –
Теперь простимся все до новой встречи,
Где б ни случилась – на земле иль в небе.

РИЧАРД

Дай руку, брат. – Тебя, любезный Уорик,
Усталыми руками обниму.
Я, слез досель не знавший, ныне плачу,
Скорбя о том, что смерти зимний холод
Так уничтожил наш весенний цвет.

УОРИК

Спешим! Прощайте, милые друзья!

ДЖОРДЖ

Идемте к войску нашему все вместе,
И пусть бегут все, кто не хочет драться.
Мы назовем оставшихся оплотом.
Они получают, в случае успеха,
Награды, как на олимпийских играх,
Пусть это мужество вдохнет им в грудь!
Надежда есть на жизнь и на победу,
Не будем медлить, двинемся скорей.

Уходят.

354

СЦЕНА 4.

Другая часть поля сражения. Стычки.

Входят РИЧАРД и КЛИФФОРД.

РИЧАРД

Ну, Клиффорд, ты один передо мною;
Одной рукой за Йорка отомщу,

Другою же – за Ретленда, хотя бы
Ты был стеною медной окружен.

КЛИФФОРД

Ну, Ричард, мы наедине с тобой;
Вот этою рукой убит был Йорк,
А этою рукою – Ретленд юный,
А это сердце радо смерти их
И умертвить тебя велит рукам,
Убившим твоего отца и брата.
Итак, держись!

Они сражаются. Входит УОРИК, КЛИФФОРД бежит.

РИЧАРД

Нет, Уорик, выбери другого зверя,
А этот волк затравлен будет мной.

Уходят.

СЦЕНА 5.

Другая часть поля сражения.

Шум битвы.

Входит КОРОЛЬ ГЕНРИХ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Походит битва на рассветный час,
Где слабый мрак с растущим светом спорит,
Когда пастух, себе на пальцы дуя,
Не скажет, день ли это или ночь.
То бой уносится вперед, как море,
Гонимое приливом против ветра;
То вспять несется он, как то же море,
Когда его отбросит ярость ветра.
То пересилит натиск волн, то ветер;
Здесь верх берет один, а там – другой;

Ведут, грудь с грудью, за победу бой.
Но ни один не победил; не сломен, –
Так равны силы в этой злой войне.
Присяду здесь, на буторке кротовом.
Пусть бог, кому захочет, даст победу.
Клиффорд и королева Маргарита

Меня прогнали с поля, поклялись,
Что без меня удачливей они.
Ах, если бы господь послал мне смерть!
Что в этом мире, кроме бед и горя?
О боже! Мнится мне, счастливый жребий –
Быть бедным деревенским пастухом,
Сидеть, как я сейчас, на бугорке
И наблюдать по солнечным часам,
Которые я сам же смастерил
Старательно, рукой неторопливой,
Как убегают тихие минуты,
И сколько их составят целый час,
И сколько взять часов, чтоб вышел день,
И сколько дней вмещается в году,
И сколько лет жить смертному дано.
А сосчитав, я разделил бы время:
Вот столько-то часов пасти мне стадо,
И столько-то могу отдать покою,
И столько-то могу я размышлять,
И столько-то могу я забавляться;
Уж столько дней, как в тягости овечки,
Чрез столько-то недель ягниться им;
Чрез столько лет я буду стричь ягнят.
Так дни, недели, месяцы и годы
Текли бы к predetermined цели,
Ведя к могиле седину мою.
Ах, мне мила, желанна жизнь такая!
И не отраднее ли тень куста
Для пастухов, следящих за стадами,
Чем вышитый роскошно балдахин
Для королей, страшащихся измены?
О да, отрадней, во сто раз отрадней!
А пища пастуха, творог домашний,
Из фляги кожаной глоток воды,
Привычный сон под свежей сенью рощи,
Все, чем спокойно пользуется он, –
Ценней безмерно пышности монарха,
Вин, что сверкают в кубках золотых,
Ценней его затейливого ложа,

Которое бессменно стерегут
Заботы, недоверие, измены.

Шум битвы.

Входит Сын, убивший отца; он волочит за собой его тело.

Сын

Плох ветер, если дует он без пользы.
Быть может, кроны есть у человека,
Которого убил я в рукопашной.
А я, что обобрал его сейчас,
Могу отдать сегодня жизнь и деньги
Другому, как мне отдал этот мертвый.
Кто он? О боже! То черты отца,
Которого убил я невзначай.
О злые дни, когда возможно это?
Из Лондона я призван королем;
Отец мой, графа Уорика слуга,
Им призванный, пошел за Йорка биться.
Я, получивший жизнь из рук его,
Лишил его своей рукою жизни. –
Прости мне, боже; я не знал, что делал! –
Прости, отец, я не узнал тебя!
С тебя слезами смою пятна крови;
Пока не выплачусь – ни слова больше.

Король Генрих

О дни кровавые! О вид плачевный!
Когда воюют львы из-за пещер,
От их вражды бедняги овцы терпят.
Несчастный, плачь; пролью с тобою слезы,
И пусть у нас и очи и сердца,
Подобно яростной гражданской смуте,
От слез ослепнут, разорвутся с горя.

Входит Отец, убивший сына; он волочит за собой его тело.

Отец

Ты, что так храбро мне сопротивлялся,
Отдай мне золото, когда имеешь:
Его купил я сотнею ударов.
Но дай-ка, посмотрю я, враг ли это.
Ах, нет, нет, нет. Единственный мой сын!
Ах, мальчик мой! Коль жизнь в тебе осталась,
Открой глаза! Смотри, смотри, как ливень
Прольется, принесенный бурей сердца
На эти раны, что мне сердце рвут! –

О сжался, боже, над злосчастливым веком!
Что за лихие, зверские дела,
Безумные, мятежные, слепые,
Рождает ежедневно спор смертельный! –
Мой сын, тебе дал жизнь я слишком рано
И отнял жизнь я эту слишком поздно!

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

За горем горе! Выше меры скорби!
О смерть моя, им положи конец!
О сжальтесь, сжальтесь, небеса, о сжальтесь!
Я вижу на лице его две розы,
Цвета домов, что борются за власть:
На розу алую походит кровь,
И с розой белой схожа бледность черт.
Увянь одна, пусть расцветет другая.
Коль будете вы продолжать борьбу,
Должны увянуть много тысяч жизней.

СЫН

Как станет мать, узнав про смерть отца,
Меня порочить в горе безутешном!

ОТЕЦ

Как станет бедная моя жена
Рыдать по сыне в горе безутешном!

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Как станет вся страна за эти муки
Клясть государя в горе безутешном!

СЫН

Когда отца оплакивал так сын?

ОТЕЦ

Когда отец о сыне так скорбел?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Когда король о подданных так плакал?
Огромно тяжкое страдание ваше.
Мое ж страдание много тяжелей.

СЫН

Возьму тебя, чтоб выплакаться вволю.

(Уходит, унося тело отца.)

ОТЕЦ

Пусть эти руки будут саван твой,
 И это сердце, сын, твоей гробницей.
 Навеки сохранится в нем твой образ,
 А вздохи будут погребальным звоном.
 Так, сын, тебя навеки потеряв,
 Отец свершит поминки по тебе,
 Как царь Приам по сыновьям отважным.
 Я унесу тебя отсюда прочь.
 Пускай в других горит сраженья пыл;
 Там, где разить не должно, я убил.

(Уходит, унося тело сына.)

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

И тот и этот горем злым убит;
 Но сам король сильнее, чем вы, скорбит.

Шум битвы, стычки.

Входят КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ и ЭКСЕТЕР.

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Отец, бегите! Все друзья бежали.
 Как бык свирепый, разъярился Уорик.
 Спешите! Гонится за нами смерть.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Супруг мой, на коня! Скачите в Бервик!
 Эдвард и Ричард, словно две борзых,
 Завидевших испуганного зайца,
 Со взором пламенным, горящим злобой,
 И сталь кровавую зажав в руках,
 Вот-вот настигнут нас. Скорей бежим!

ЭКСЕТЕР

Скорей! Они несут с собою месть.
 Не время обсуждать дела. Спешите!
 Иль следуйте за мною! Я – вперед.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Нет, Эксептер, возьми меня с собой.
 Остаться не страшусь, но рад идти
 За королевою. Вперед! Спешим!

СЦЕНА 6.

Там же.

Сильный шум битвы.

Входит раненый КЛИФФОРД.

КЛИФФОРД

Здесь, догорев, свеча моя угаснет.
Пока пылала, Генриху светила.
Сверженья твоего страшусь, Ланкастер,
Сильнее, чем разлуки духа с телом.
Любовь ко мне и страх передо мной
Немало привлекли к тебе друзей;
Но вот я пал, – связь прочная порвется,
Ослабив Генриха, усилив Йорка.
Роится чернь, подобно летним мухам;
Всегда летят на солнце комары.
Сейчас в зените Генриха враги!
О Феб! Когда б не дал ты Фаэтону
Конями огненными управлять,
Твоя пылающая колесница
Не опалила б землю. Если б, Генрих,
Ты правил, как пристало королю,
Как правили отец твой и твой дед,
Не уступая почвы дому Йорка,
Враги бы не размножились, как мухи,
И я и тысячи других в стране
Вдов не заставили б скорбеть о нас,
И ты бы в мире сохранил свой трон.
Что, как не солнце, сорняки плодит?
Что, как не снисходительность судьи,
Внушает вору дерзость и отвагу?
Бессильна скорбь, неисцелимы раны;
Для бегства нет ни силы, ни путей.
Безжалостны враги, не жду пощады:
Пощады я от них не заслужил.
Коснулся воздух ран моих смертельных,
И от потери крови я слабею. –
Йорк, Ричард, грозный Уорик, приходите:
Отцов убил я ваших, – отомстите.

(Лишается чувств.)

Шум битвы. Отбой.

Входят ЭДУАРД, ДЖОРДЖ, РИЧАРД, МОНТЕГЬЮ, УОРИК и остальные.

360

ЭДУАРД

Передохнем. Нам позволяет счастье
Воинственно нахмуренные брови
Сменить на мирный взор. Часть наших войск –
В погоне за кровавой королевой,
Что Генриха вела, хоть он король:
Так парус, вздутый бурей свирепой,
Наперекор теченью гонит судно.
Как думаете, Клиффорд с ним бежал?

УОРИК

Нет, невозможно, чтобы спасся он.
При вашем брате Ричарде скажу:
Им для могилы был отмечен Клиффорд;
И где б он ни был, – он, наверно, мертв.

Клиффорд стонет и умирает.

РИЧАРД

Чей дух прощается так тяжело с телом?
Предсмертный стон – как при разлуке с жизнью.
Взгляни, кто это.

ЭДУАРД

Бой теперь окончен;
Друг он иль враг, пускай ему помогут.

РИЧАРД

Возьми обратно мысль о милосердьи;
Ведь это Клиффорд. Недовольный тем,
Что срезал ветвь – жизнь Ретленда – в расцвете,
Всадил он смертоносный нож свой в корень,
Откуда отпрыск нежный вырастал:
Им наш отец, державный Йорк, убит.

УОРИК

Снять в Йорке голову отца с ворот, –
Ту голову, что Клиффордом прибита, –
И этой головою заменить:

Так мерою мы воздадим за меру.

ЭДУАРД

Подать сюда проклятого сыча,
Что роду нашему лишь смерть пророчил.

361

Прервала смерть его грозящий голос,
И навсегда замолк язык зловещий.

Солдаты выносят тело вперед.

УОРИК

Я думаю, утратил он сознание. –
Ты узнаешь нас, Клиффорд? Говори. –
Смерть мрачная луч жизни угасила;
Он нас не видит, слов не слышит наших.

РИЧАРД

О, если б слышал он! Быть может, слышит?
Из хитрости он притворился мертвым,
Чтоб тяжких издевательств избежать,
Каким отца подверг он...

ДЖОРДЖ

Но если так, бичуй его словами.

РИЧАРД

Клиффорд! Проси пощады, хоть напрасно.

ЭДУАРД

Клиффорд! Раскаяньем бесплодным кайся.

УОРИК

Клиффорд! Оправдывай свои грехи.

ДЖОРДЖ

А мы измыслим пытки за грехи.

РИЧАРД

Любил ты Йорка, я же – сын его.

ЭДУАРД

Ты Ретленда жалел, а я – тебя.

ДЖОРДЖ

Где ваш защитник, воин Маргарита?

УОРИК

Они смеются, Клиффорд, над тобой.
Ругайся же в ответ, как ты привык.

РИЧАРД

Как! Не бранишься ты? Ну, плохо дело,
Когда друзей ругать не может Клиффорд:

362

Он, значит, мертв. Клянусь я, будь возможно
Ценой руки вернуть его мне к жизни
На два часа, чтоб насмеяться вволю,
Одной рукой отсек бы я другую,
Чтоб хлынувшею кровью задушило
Злодея, чьей неутомимой жажды
Насытить не могли ни Йорк, ни Ретленд.

УОРИК

Но умер он. Снять голову ему
И там, где Йорка голова, поставить!
Теперь – торжественным походом в Лондон!

(Эдуарду.)

Там Англии корону ты наденешь;
Затем во Францию поедет Уорик,
Чтобы тебе принцессу Бону сватать;
Так свяжете вы оба королевства.
Дружа с французами, не будешь ты
Своих врагов разгромленных бояться,
Хоть и грозят они подняться снова.
Пусть жалом повредить тебе не могут,
Все ж будут слух твой оскорблять жужжаньем.
Сперва хочу коронованье видеть,
Потом в Бретань отправлюсь морем я,
Чтоб этот брак устроить государю.

ЭДУАРД

Пусть будет так, как ты желаешь, Уорик.
Воздвигну на твоих плечах свой трон,
И никогда не предприму я дела
Без твоего совета и согласия. –
Отныне, Ричард, будешь герцог Глостер. –
Ты – герцог Кларенс будешь, Джордж. – А Уорик,

Как мы, везде распоряжаться властен.

Р И Ч А Р Д

Пусть буду Кларенс я, а Глостер – Джордж;
В том герцогстве есть что-то роковое.

У О Р И К

Молчи! Вот безрассудные слова!
Ричард, будь герцог Глостер. Едем в Лондон
И почестями всеми насладимся!

Уходят.

363

АКТ III.

СЦЕНА 1.

Лес на севере Англии.

Входят два лесных сторожа с арбалетами.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Укроемся тут в зарослях густых.
Пройдут олени через ту поляну,
Мы в этой чаще их подкараулим
И самых лучших выберем из них.

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Взойду на холм, чтоб нам смотреть обоим.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Нельзя. Звук арбалета твоего
Спутнет все стадо – и пропал мой выстрел.
Здесь встанем и прицелимся получше,
А чтобы не наскучило нам ждать,
Я расскажу тебе, что приключилось
Со мною раз на месте, где стоим.

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Тут кто-то есть. Пусть он пройдет сначала.

Входит переодетый КОРОЛЬ ГЕНРИХ, с молитвенником в руках.

364

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Я из Шотландии бежал затем лишь,

Чтоб взором любящим мой край приветить.
Нет, Гарри, Гарри, этот край не твой.
Престол твой занят, выхвачен твой скипетр,
И на челе священный стерт елей.
Никто не назовет тебя монархом,
Никто не взмолится о правосудье,
Никто к твоей защите не прибегнет;
Как им помочь, коль не помог себе?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

А вот олень со шкурой драгоценней. –
Король наш бывший. Заберем его!

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Тебе, невзгода, я раскрыл объятья.
По мненью мудрецов, то путь мудрейший.

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Чего ж мы ждем?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Повремени; послушаем еще.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

За помощью отправились жена
И сын во Францию; и мощный Уорик
Туда ж направился, как я слыхал,
Чтоб короля французского сестру
Эдварду сватать. Если весть правдива, –
Ах, бедные мой сын и королева,
Пропал ваш труд: оратор ловкий – Уорик,
А короля легко словами тронуть.
Зато его и Маргарита может,
Как жалости достойная, растрогать;
От слез ее грудь каменная дрогнет;
От вздохов сердце короля растает;
И тигр смиритсЯ, видя скорбь ее.
Нерон проникся бы к ней состраданьем
При виде слез и жалобам внимая.
Да, но она пришла к нему с мольбами,
А Уорик с приношениями пришел.
Она помочь монарха просит слева, –

Он королю невесту просит справа;

Она, рыдая, скажет: «Генрих свергнут», –
А он с улыбкой: «Эдуард на троне».
От горя у бедняжки речь прервется,
А Уорик притязанья Эдуарда
Изложит королю, неправду скрасит,
Великой силы доводы найдет
И отвратит его от Маргариты,
Добившись помощи для Эдуарда
И обещанья в жены дать сестру. –
Ах, Маргарита! Так все и случится:
Уйдешь ни с чем, как и пришла, бедняжка!

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Кто ты, толкующий о королевах
И королях?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Я больше, чем кажусь,
И менее того, чем я рожден;
Все ж человек, – ведь меньшим быть нельзя мне.
Все говорят о королях, я – тоже.

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Но говоришь ты, словно сам – король.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Таков я духом – и с меня довольно.

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Но если ты король, где твой венец?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Он в сердце у меня, не на челе;
Не блещет он индийскими камнями,
Незрим для глаз, зовется он довольством:
Таким венцом король владеет редкий.

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Коль вы король, увенчанный довольством,
То будьте со своим венцом довольны,
Что вас мы заберем. Сдается нам,
Вы тот король, что свергнут Эдуардом;
А мы ему на верность присягали
И вас задержим как его врага.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

А нарушать вам не случилось клятву?

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Такую – нет; и нынче не нарушим.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Где жили вы, когда я был король?

ВТОРОЙ СТОРОЖ

Да в этих же краях, где и теперь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

На царство в колыбели я помазан;
Отец и дед мой были королями,
И клятву верности вы дали мне.
Скажите ж, не нарушили вы клятву?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Нет;
Пока царили вы, верны мы были.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Иль умер я? Иль перестал дышать?
Ах, простаки! Не знали, в чем клялись вы!
Смотрите, этот пух с лица я сдунул,
А ветер вновь его ко мне приносит;
То моему дыханью он послушен,
То уступает дуновенью ветра,
Сильнейшим веяньям всегда покорен.
Так легковесны вы, простые люди!
Но вы свою не нарушайте клятву:
Не попрошу вас взять на совесть грех.
Идемте же, куда угодно вам.
Повиноваться принужден король;
Вы будьте королями – покорюсь вам.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Мы – верноподданные короля,
Эдварда-короля.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

И были б вновь
Подвластны мне, когда б я сверг Эдварда.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Во имя господа и короля,
Мы вам велим идти к властям за нами.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Ведите же меня во имя божье!
Почтить нам должно имя короля.
Что хочет бог, – пусть ваш король творит,
А что он хочет – я исполню кротко.

Уходят.

СЦЕНА 2.

Лондон. Покой во дворце.

Входят КОРОЛЬ ЭДУАРД, ГЛОСТЕР, КЛАРЕНС и ЛЕДИ ГРЕЙ.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Брат Глостер! Ричард Грей, муж этой леди,
В Сент-Олбенском сражении был убит.
Его владенья победитель взял;
Она теперь вернуть ей просит земли;
Несправедливо будет отказать ей,
Поскольку этот дворянин достойный
Утратил жизнь в борьбе за Йоркский дом.

ГЛОСТЕР

Вам, государь, исполнить должно просьбу;
Бесчестно было б отказать ей в этом.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Конечно, так, но все же подождем.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

А! Вот как!
Придется леди кое-что исполнить,
Пред тем как он ее исполнит просьбу.

КЛАРЕНС (*тихо, Глостеру*)

Он чует дичь: нюх у него изрядный.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

Молчи.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Вдова, мы просьбу вашу разберем;
В другой раз приходите за решением.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Не в силах ждать я, добрый государь;
Прошу, сейчас же дело рассудите.
Как ни решите, я на все согласна.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

Ручаюсь, земли ты вернешь, вдова,
Коль то же, что ему, тебе желанно.
Держись покрепче – ты удар получишь.

КЛАРЕНС (*тихо, Глостеру*)

Ей нечего бояться: лишь паденья.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

Не дай бог, – он воспользуется этим.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

А сколько у тебя, вдова, детей?

КЛАРЕНС (*тихо, Глостеру*)

Просить ребенка хочет у нее.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

Нет, пусть меня побьют, коль двух не даст ей.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Их трое, государь.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

Послушаешь его – четвертый будет.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Жаль было бы наследства их лишать.

369

ЛЕДИ ГРЕЙ

Так сжальтесь, государь, и возвратите.

КОРОЛЬ ЭДУАРД (*Глостеру и Кларенсу*)

Оставьте нас: вдову я испытаю.

ГЛОСТЕР *(тихо, Кларенсу)*

Оставим мы тебя: живи, как хочешь.
Но скоро молодость тебя оставит,
Тебе оставив пару костылей.

(Отходит с Кларенсом в сторону.)

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Скажи мне, любишь ты детей своих?

ЛЕДИ ГРЕЙ

Да, государь, люблю их, как себя.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Готова ль ты на все для блага их?

ЛЕДИ ГРЕЙ

Для блага их перенесу и зло.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Верни же земли мужа им на благо.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Затем я и пришла к вам, государь.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Скажу тебе, как им вернуть владенья.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Слугою вашей буду я навек.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Чем ты послужишь мне, коль их верну?

ЛЕДИ ГРЕЙ

Скажите лишь, – все сделаю, что в силах.

370

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Откажешься мою исполнить просьбу...

ЛЕДИ ГРЕЙ

Нет, разве что она мне не по силам.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

О, можешь ты исполнить, что прошу.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Тогда исполню ваше приказанье.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

Настойчив он: а дождь и мрамор точит.

КЛАРЕНС (*тихо, Глостеру*)

Он красен, как огонь! Растает воск.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Умолкли вы? Так в чем моя задача?

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Легка она: лишь короля любить.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Как не любить? Я подданная ваша.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Коль так, тебе дарую земли мужа.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Премного благодарна вам. Прощайте.

ГЛОСТЕР (*тихо, Кларенсу*)

Торг заключен, скрепляется поклоном.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Постой. Плоды любви я разумею.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Я разумею то же, повелитель.

371

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Да, но боюсь, совсем в ином значенье.
Какой любви, ты думаешь, прошу я?

ЛЕДИ ГРЕЙ

Любви по гроб, признательной, смиренной,
Любви, которой ищет добродетель.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Клянусь, я разумел любовь иную.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Так разумели вы не то, что я.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Теперь отчасти можешь ты понять.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Я никогда не соглашусь на то,
К чему, как полагаю, вы стремитесь.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Скажу я прямо: спать с тобой хочу.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Скажу я прямо: лучше спать в темнице.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Так не получишь ты владений мужа.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Так будет честь мне вдовьим достояньем.
Ее потерей не куплю земель.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ты этим повредишь немало детям.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Вы этим, государь, вредите им,
А также мне. Но, государь великий,
Не соответствует ваш тон веселый
Моей печальной просьбе. Умоляю,
Мне коротко ответьте: «да» или «нет».

372

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Да, если мне ответишь «да» на просьбу;
Нет, если скажешь «нет» на предложение.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Нет, государь. Ходатайству конец.

ГЛОСТЕР *(тихо, Кларенсу)*

Он ей не мил; она сдвигает брови.

КЛАРЕНС *(тихо, Глостеру)*

Глупее не ухаживал никто.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

В ее глазах проглядывает скромность,
В ее речах ум виден несравненный.
Все совершенства в ней достойны власти;
Так иль иначе – стоит короля:
Быть ей любовницей иль королевой.

(Громко.)

Что если бы король тебя взял в жены?

ЛЕДИ ГРЕЙ

Сказать вам легче, государь, чем сделать.
Я ваша подданная, и гожусь
Вам для забавы я, но не в супруги.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Прелестная вдова, клянусь короной,
Сказал я то, что в мыслях у меня.
Желанно мне лишь обладать тобой.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Что вам желанно – не могу исполнить.
Для королевы слишком я ничтожна
И слишком для наложницы честна.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ты не лукавь! Сказал я: королева.

ЛЕДИ ГРЕЙ

Вам неприятно будет, государь
Когда мой сын вас назовет отцом.

373

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Не более, чем если дочь моя
Своею матерью вас назовет.
Вдова ты и троих детей имеешь;
Хоть холост я, – клянусь святою девою, –
Я все ж детей имею; это счастье –
Быть многих сыновей отцом. Ни слова
Не возражай; ты будешь королевой.

ГЛОСТЕР (тихо, Кларенсу)

Окончил исповедь отец духовный.

КЛАРЕНС (*тихо, Глостеру*)

Была она уловкою любовной.

КОРОЛЬ ЭДУАРД (*Глостеру и Кларенсу*)

Дивитесь вы, о чем наш разговор?

ГЛОСТЕР

Он не по вкусу ей: она грустна.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Вас поразит, что я ее сосватал?

КЛАРЕНС

Кому, король?

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Да самому себе.

ГЛОСТЕР

То было бы десятидневным чудом.

КЛАРЕНС

Днем дольше, чем пристало длиться чуду.

ГЛОСТЕР

Зато уж чудо будет чрезвычайным.

374

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ну что ж, шутите, братья. Говорю вам:
Я возвращаю ей владенья мужа.

Входит Дворянин.

ДВОРЯНИН

Мой государь, захвачен враг ваш Генрих
И, пленный, приведен к воротам замка.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Немедленно его отправить в Тауэр. –
К поймавшему его пойдите, братья;
Расспросим, как он захватил его.

(*К леди Грей.*)

Идем. – Почет ей окажите, лорды.

Уходят все, кроме ГЛОСТЕРА.

ГЛОСТЕР

Да, женщинам Эдвард почет окажет!
О, если бы все силы, кровь и мозг
Он истощил, чтоб не произошло
Вовек от чресл его надежной ветви,
Которая могла бы мне пресечь
К золотому дню желанную дорогу!
Все ж между мною и желаньем сердца, –
Коль даже сгинет линия прямая
Распутного Эдварда, – встанет Кларенс,
Иль Генрих с юным сыном Эдуардом:
Они со всем потомством их незванным
Займут места, пред тем как сяду я.
И это сгубит замыслы мои!
Что ж, должен только грезить я о власти,
Как человек, стоящий на мысу,
С тоскою смотрит на далекий берег,
Куда хотелось бы ему ступить, –
Мечтает он, чтоб шаг поспел за взором,
Бранит он море, что препоной служит,
И говорит: «Всю б вычерпал я воду,
Чтобы свой путь по суше совершить», –
Так я мечтаю о венце далеком,
Так все браню, что на пути стоит,
Так говорю: «Все сокрушу преграды»
И льщу себя несбыточной надеждой.

375

Взор слишком быстр, и сердце слишком дерзко:
Руке и силе не поспеть за ними.
Но если Ричард не получит царства, –
Каких ему ждать радостей от мира?
Найду ль блаженство я в объятьях женских
И наряжусь ли в яркие одежды –
Пленять красавиц взором и речами?
О жалкая мечта! Ее достигнуть
Трудней, чем двадцать обрести корон.
Я в чреве матери любовью проклят:
Чтоб мне не знать ее законов нежных,
Она природу подкупила взяткой,
И та свела, как прут сухой, мне руку,.

И на спину мне взгромоздила гору,
Где, надо мной глумясь, сидит уродство;
И ноги сделала длины неравной;
Всем членам придала несоразмерность:
Стал я, как хаос иль как медвежонок,
Что матерью своею не облизан
И не воспринял образа ее.
Таков ли я, чтобы меня любили?
О, дикий бред – питать такую мысль!
Но раз иной нет радости мне в мире,
Как притеснять, повелевать, царить
Над теми, кто красивее меня, –
Пусть о венце мечта мне будет небом.
Всю жизнь мне будет мир казаться адом,
Пока над этим туловищем гадким
Не увенчает голову корона.
И все ж не знаю, как стяжать корону,
Стоят меж мной и тронм много жизней.
Как заблудившийся в лесу терновом,
Что рвет шипы и сам изорван ими,
Путь ищет и сбивается с пути,
Не зная, как пробиться на простор,
Но вырваться отчаянно стремясь, –
Так мучусь я, чтоб захватить корону;
И я от этих лютых мук избавляюсь,
Расчистив путь кровавым топором.
Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать: «Я рад!» – когда на сердце скорбь,
И увлажнять слезой притворной щеки
И принимать любое выраженье.
Людей стублю я больше, чем сирена,
И больше их убью, чем василиск;

376

Я стану речь держать, как мудрый Нестор,
Обманывать хитрее, чем Улисс,
И как Синон, возьму вторую Трою;
Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;
Быстрее Протея облики сменяя,
В коварстве превзойду Макиавелли.
Ужели так венца не получу?
Будь вдвое дальше он, его схвачу.

(Уходит.)

СЦЕНА 3.

Франция. Покой в королевском дворце.

Трубы.

Входят ЛЮДОВИК, король французский, и ПРИНЦЕССА БОНА со свитой; король садится на трон. Затем входят КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ и ГРАФ ОКСФОРД.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Достойнейшая королева, с нами
Сядь рядом: сан и род не позволяют
Тебе стоять, когда сидит Людовик.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Нет, государь могучий, Маргарита
Должна спустить свой парус и смириться,
Когда приказывают короли.
Да, признаюсь, в дни золотые, прежде,
Была я королевой Альбиона;
Но попораны мои права злосчастьем,
И я повержена позором в прах,
Где я должна покорно пребывать,
Мирясь с моим убогим положеньем.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Что вызвало отчаянье такое?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

То, что мой взор наполнило слезами,
Сковало речь, сдавило скорбью грудь.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Что б ни было, собою оставайся.

(Усаживает ее рядом, с собой.)

377

Садись со мной и под ярмо Фортуны
Ты шею не склоняй, но пусть твой дух
Над всеми бедами восторжествует.
Поведай нам печаль, что сердце гложет,
И королеве Франция поможет.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Твои слова живут мой дух упавший

И онемевшей скорби речь дают.
Да будет же Людовику известно,
Что Генрих, мой возлюбленный супруг,
Не государь уж больше, а изгнанник;
В Шотландии, отверженец, живет он,
Меж тем как гордый герцог Йорк, Эдвард,
Себе присвоил титул и престол
Помазанника, Англии монарха.
Вот почему в беде я, Маргарита,
И Эдуард, наследник Генриха, мой сын,
Просить пришли твоей защиты правой.
Коль ты отвергнешь нас, нам нет надежды.
Шотландцы рады б, да помочь не в силах;
Совращены с пути народ и пэры;
Захвачена казна, войска бежали –
И мы, как видишь, в тягостной печали.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

О королева славная! Терпенье!
Рассудим мы, как бурю укротить.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Чем дольше ждать, тем враг сильнее станет.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Чем дольше жду, тем больше помогу.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

О! Нетерпенье – спутник тяжелой скорби.
А вот идет виновник нашей скорби.

Входит Уорик.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Кто он, что смело так подходит к трону?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

То граф наш Уорик, друг лучший Эдуарда.

378

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Привет, отважный Уорик! С чем ты прибыл?

(Сходит с трона.)

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

(встает)

Вот поднимается вторая буря;
Ведь правит он ветрами и приливом.

У О Р И К

От короля английского Эдварда,
Владыки моего и государя
И преданного друга твоего,
Я прихожу с любовью непритворной –
Сперва приветствовать тебя, король,
Затем искать с тобой союза дружбы
И, наконец, скрепить меж вами дружбу
Супружескими узами, коль ты
Благоволишь отдать свою сестру,
Принцессу добродетельную Бону,
В законные супруги Эдуарду.

К О Р О Л Е В А М А Р Г А Р И Т А *(в сторону)*

Когда свершится это – все пропало.

У О Р И К *(Боне)*

Прелестная принцесса, королем
Поручено мне, с вашего согласия,
Поцеловать смиренно руку вам
И рассказать о страсти властелина,
Молва о вас его достигла слуха
И поселила в сердце образ нежный.

К О Р О Л Е В А М А Р Г А Р И Т А

Король Людовик и принцесса Бона,
Пред тем, как Уорику ответить, дайте
Сказать мне. Просьба та порождена
Не честною любовью Эдуарда,
Но хитростью, внушенной нуждой,
Как мирно управлять тирану дома,
Когда союзов нет в чужих краях?
Что он тиран – вам ясно из того,

379

Что Генрих жив; а если б он и умер,
Вот принц Эдвард стоит, его наследник.
Смотри ж, Людовик, на себя союзом
Не навлеки позора и беды.
Хотя захватчик временно и правит,

Но праведное небо устранил
Неправду.

У О Р И К

Дерзостная Маргарита!

П Р И Н Ц У Э Л Ь С К И Й

Зачем не говоришь ты – «королева»?

У О Р И К

Затем, что Генрих, твой отец, захватчик;
Как ты – не принц, она – не королева.

О К С Ф О Р Д

Тогда отвергнут Уориком Джон Гант,
Испании завоеватель славный,
А также сын его – Четвертый Генрих,
Чья мудрость зеркалом была мудрейшим,
А вслед за ним отважный Генрих Пятый,
Что нам всю Францию завоевал.
От них свой род ведет король наш Генрих.

У О Р И К

Но что ж ты в плавной речи не сказал,
Как с Генрихом Шестым мы потеряли
Все, что завоевал нам Генрих Пятый?
Смешно французским пэрам это слушать.
К тому ж ты говоришь о родословной,
Что шестьдесят два года лишь объемлет, –
Ничтожный срок для прав на королевство.

О К С Ф О Р Д

Как! Говоришь ты против государя,
Которому лет сорок прослужил, –
И краска щек не обличит измену?

У О Р И К

Как! Оксфорд, что всегда стоял за правду,
Щит делает для лжи из родословной?
Стыдись! Брось Генриха, признай же Эдуарда.

380

О К С Ф О Р Д

Признать того, чьим лютым приговором
Мой старший брат, лорд Обри Вир, казнен?

Но мало этого – казнен отец мой,
Уже на склоне лет, когда природа
Его к воротам смерти подводила!
Нет, Уорик, нет. Пока в руке есть сила,
Моя рука Ланкастеров поддержит.

УОРИК

А я – дом Йорка.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Прошу вас, королева Маргарита,
Принц Эдуард и Оксфорд, отойдите,
Пока веду я с Уориком беседу.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА (*в сторону*)

Дай бог, чтоб он не обольстил монарха!

(*Отходит в сторону с принцем Уэльским и Оксфордом.*)

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Ну, Уорик, мне по совести скажи,
Что Эдуард законный ли король? Претит мне
В союз вступать с захватчиком престола.

УОРИК

Ручаюсь именем своим и честью.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Но мил ли он английскому народу?

УОРИК

Тем больше мил, что Генрих был несчастлив.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Затем, притворство отложив, по правде
Поведай мне, насколько любит он
Мою сестру?

УОРИК

Так любит, государь,
Как подобает славному монарху.

Сам слышал много раз я, как он клялся,
Что страсть его – бессмертное растение,
Чей корень добродетели питают,

Плоды и листья – солнце красоты.
Его страшит не злоба – лишь презрение,
Пока в нем Бона не уймет мученья.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Теперь скажи, сестра, как ты решила.

БОНА

Решенье ваше будет и моим.

(Уорику.)

Но, признаюсь, когда мне приходилось
О доблести его рассказы слушать,
Мой слух к нему располагал и сердце.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Так я отдам сестру за Эдуарда.
Мы тотчас договор составим, Уорик,
О том, что за женой король запишет,
Чтобы приданое уравновесить. –
Приблизься, королева Маргарита;
Свидетельницей будешь ты, что Бону
Берет в супруги английский король.

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Нет, не король, а просто Эдуард.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Лукавый Уорик! Ты союз придумал,
Расстроивший ходатайство мое.
Людовик раньше Генриху был другом!

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

И остаюсь по-прежнему вам другом,
Но коль слабы у вас права на трон,
Как видно из успехов Эдуарда,
То я могу, конечно, быть свободным
От обещанья оказать вам помощь,
Хоть от меня получите вы все,
Что сан ваш требует и мой дать в силах.

УОРИК

В Шотландии живет спокойно Генрих:
Там, никаких владений не имея,

Он ничего не может потерять.
А что до вас, бывшая королева,
То ваш отец пускай содержит вас.
Его бы вам, не Францию тревожить.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Молчи, молчи, бесстыдный, наглый Уорик,
Создатель и губитель королей!
Я до тех пор не удалюсь отсюда,
Пока слезами и правдивой речью
Не обличу твой замысел коварный
И Эдуарда лживую любовь:
Вы оба с ним – одной породы птицы.

За сценой звук рожка.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК (Уорик)

Посланье это к нам или к тебе.

Входит Гонец.

ГОНЕЦ

Милорд посол, привез я вам письмо
От брата, от маркиза Монтегю.

(Королю Людовику.)

А это вам, король, от государя.

(Королеве Маргарите.)

И вам, миледи, от кого – не знаю.

Все читают письма.

ОКСФОРД

Я рад, что королева улыбнулась,
Меж тем как Уорик гневно хмурит брови.

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Ногой Людовик топнул, словно в гневе;
Все к лучшему, надеюсь.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Какие вести, Уорик? Королева?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Мои неожиданную дарят мне радость.

УОРИК

Мои несут печаль и недовольство.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Как! Ваш король на леди Грей женился
И, чтоб загладить свой и ваш обман,
Мне шлет письмо, стараясь успокоить!
Такого ль ищет с нами он союза?
Как он посмел над нами так глумиться?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Я, государь, предупреждала вас:
Вот честность Уорика, любовь Эдварда!

УОРИК

Король Людовик, я клянусь вам небом,
Надеждою на вечное спасенье,
В его поступке невиновен я.
Он не король мне, раз меня бесчестит;
Себя же самого срамит он больше,
Когда свой срам способен сознавать!
Иль я забыл, что ради дома Йорков
Отец безвременную принял смерть?
Иль я простил племянницы обиду?
Иль не возвел его я на престол?
Иль не лишил я Генриха короны?
И вот, за все я награжден позором!
Позор – ему; лишь чести я достоин.
Чтоб честь восстановить, что с ним утратил,
Его отвергну, к Генриху вернусь. –
О, королева славная, забудь
Вражду былую нашу – и отныне
Я буду преданным твоим слугой.
Я отомщу за оскорбление Боны
И Генриху верну его престол.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Своею речью, Уорик, обратил
Ты ненависть мою в любовь. Прощаю
И забываю прежние проступки,
Я рада, что ты Генриху стал другом.

УОРИК

Таким правдивым другом, верным другом,
Что, если нам благоволит Людовик
Дать небольшой отряд солдат отборных,
Я с ними высажусь на берег наш
И силою тирана низложу.
Не у жены себе найдет он помощь;
А что до Кларенса, – как пишут мне, –
Готов от брата он отпасть за то,
Что из-за похоти женился Эдуард,
Не ради чести или укрепления
И безопасности родной страны.

БОНА

Брат милый, чем за Бону отомстишь ты,
Коль не придешь на помощь королеве?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Король преславный, что постигнет мужа,
Коль ты его от скорби не избавишь?

БОНА

Оскорблена я вместе с королевой.

УОРИК

И с вами я, прекрасная принцесса.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

И я с тобою, с ней и с Маргаритой.
Поэтому решился твердо я
Вам помощь оказать.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

За всех тебя благодарю смиренно.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Посол английский, возвратись поспешно
И лживому Эдварду передай,
Монарху мнимому, что посылает
Король Людовик ряженных к нему,
Чтобы его потешить с новобрачной.
Что видел здесь, ему на страх поведай.

БОНА

Скажи, что ивовый венок надену
В надежде, что он скоро овдовеет.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Скажи ему, что траур мой окончен,
И облекусь кольчугой боевой.

УОРИК

Скажи, что им я тяжко оскорблен,
И скоро мной низложен будет он.
Возьми награду и ступай.

ГОНЕЦ *уходит.*

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Вы, Уорик,
И Оксфорд, с пятитысячным отрядом
Переплывете море и дадите
Сражение коварному Эдварду;
А в случае нужды к вам королева
И принц с подмогой свежее придут.
Но прежде чем уйдешь, реши сомненье:
Какой дашь верности залог надежный?

УОРИК

Вот верности моей залог неложный.

(Королеве Маргарите.)

Коль вам угодно, с принцем неотложно
Дочь старшую мою, ограду жизни,
Свяжу с ним узами святыми брака.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Согласна я и вас благодарю. –
Эдвард, она прекрасна и чиста, –
Так Уорику подай немедля руку
И принеси обет ненарушимый,
Что лишь она твоей супругой станет.

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Беру ее, – она того достойна, –
И руку подаю, скрепляя клятву.

(Протягивает руку Уорику.)

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Чего мы ждем? Собрать скорей войска! –
Великий адмирал, Бурбонский герцог,
Их переправь на наших кораблях.
Пушай же Эдуард лишится трона
За то, что посмеялся он над Боной.

Уходят все, кроме УОРИКА.

УОРИК

Я прибыл как посланник Эдуарда,
Но возвращусь врагом его заклятым.
Устроить брак он дал мне порученье,
Но страшная война ответом будет.
Из всех меня посмешищем избрал он, –
И вгонит в скорбь его никто, как я.
Я Эдуарда посадил на трон
И я же с трона низведу его.
Не то, чтоб Генрих сразу стал мне мил,
Но Эдуарду отомстить решил.

(Уходит.)

387

АКТ IV.

СЦЕНА 1.

Лондон. Покой во дворце.

Входят ГЛОСТЕР, КЛАРЕНС, СОМЕРСЕТ и МОНТЕГЬЮ.

ГЛОСТЕР

Скажи мне, брат мой Кларенс, как ты смотришь
На этот брак Эдварда с леди Грей?
Не сделал ли наш брат достойный выбор?

КЛАРЕНС

Ах, далеко до Франции отсюда;
И разве мог он Уорика дождаться?

СОМЕРСЕТ

Милорды, смолкните, король идет.

ГЛОСТЕР

А с ним – достойная его супруга.

КЛАРЕНС

Я откровенно все ему скажу.

Трубы.

*Входят КОРОЛЬ ЭДУАРД со свитой, ЛЕДИ ГРЕЙ в королевском уборе,
ПЕМБРУК, СТЕФФОРД, ХЕСТИНГС и другие.*

388

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Брат Кларенс, как находишь ты наш выбор?
Задумчив ты и словно недоволен.

КЛАРЕНС

Не больше, чем Людовик и граф Уорик;
Они так слабы духом и рассудком,
Что не разгневаются за обиду.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Пускай их гnevаются без причины;
То Уорик и Людовик, я же – Эдуард,
И вам и Уорику король законный;
И поступать могу, как мне угодно.

ГЛОСТЕР

Да, можете, поскольку вы король;
Но редко браки спешные удачны.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

И вы, брат Ричард, тоже недовольны?

ГЛОСТЕР

О, нет!
Избави бог, чтоб разлучить желал я,
Что сочетал господь, и было б жаль
Такую пару дружную разнять.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Отбросив и насмешки и досаду,
Скажите, отчего бы леди Грей
Не быть моей женой и королевой?
И вы, лорд Сомерсет и Монтегью,
Скажите ваше мнение.

КЛАРЕНС

Вот мнение мое: король Людовик
Врагом вам станет, потому что вы
Над ним, посватав Бону, насмеялись.

ГЛОСТЕР

И, выполняя ваше порученье,
Граф Уорик вашим браком опозорен.

389

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Что если средство я изобрету
Людовика и Уорика смягчить?

МОНТЕГЬЮ

Все ж с Францией союз посредством брака
Прочнее укрепил бы государство
От внешних бурь, чем брак внутри страны.

ХЕСТИНГС

Иль ты забыл, мой добрый Монтегью,
Что нашей Англии никто не страшен,
Покуда Англия себе верна?

МОНТЕГЬЮ

А все ж надежней с Францией союз.

ХЕСТИНГС

Но Францией воспользоваться лучше,
Чем доверяться ей. Пускай нам будут
Опорой бог и бурные моря,
Что дал он нам защитой нерушимой.
В них, в нас самих – вся безопасность наша.

КЛАРЕНС

Лорд Хестингс заслужил своею речью
Наследницу взять лорда Хенгерфорда.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

В чем дело? Так хотим мы, так решили.
На этот раз закон вам – наша воля.

ГЛОСТЕР

И все ж вы, думается, государь,
Напрасно отдали дочь лорда Скелса
За брата вашей любящей жены.

Она бы мне иль Кларенсу годилась;
Вы жертвуете братьями супруге.

КЛАРЕНС

Иначе бы наследницу Бонвиля
Не отдали вы сыну леди Грей,
Оставив братьев снова ни при чем.

390

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ах, бедный Кларенс! Ты из-за невесты
Разгневался! Найду тебе супругу.

КЛАРЕНС

Вы показали выбором свой разум;
Он легковесен. Разрешите мне
Быть самому ходатаем своим.
Для этого я вскоре вас покину.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Покинь иль оставайся, я – король
И волей брата своего не связан.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Милорды, перед тем, как соизволил
Наш государь меня в супруги взять, –
Должны по справедливости признать вы, –
Я низкого рожденья не была.
Бывали хуже родом королевы!
Насколько этот сан почет приносит
Мне и моим, настолько ж неприязнь
Всех вас, кому я угодить желала б,
Мое блаженство скорбью омрачает.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Любовь моя, не льсти их недовольству.
Какая скорбь, опасности какие
Тебе грозят, пока Эдвард – твой друг,
А также их законный государь,
Которому должны все подчиняться?
И подчинятся и тебя полюбят,
Когда не захотят навлечь мой гнев!
А коль дерзнут, – я охраню тебя
И кару гневную, на них обрушу.

ГЛОСТЕР (в сторону)

Я слушаю, молчу и размышляю.

Входит ГОНЕЦ.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Гонец, какие письма или вести
Из Франции?

391

ГОНЕЦ

Нет писем, государь, и мало слов,
Но таковы они, что их сказать
Без разрешенья вашего не смею.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Мы разрешаем: вкратце передай
Слова их; постарайся все припомнить.
Что на письмо Людовик отвечает?

ГОНЕЦ

Он отпустил меня с такою речью:
«Ты лживому Эдварду передай,
Монарху мнимому, что посылает
Король Людовик ряженных к нему,
Чтобы его потешить с новобрачной».

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Какой храбрец! Он думает, я Генрих?
А что принцесса Бона говорит?

ГОНЕЦ

Промолвила она с презреньем тихим:
«Скажи, что ивовый венок надену
В надежде, что он скоро овдовеет».

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Я не браню ее; того и ждал я:
Она в обиде. Ну, а Маргарита
Что говорит? Слыхал я, там она.

ГОНЕЦ

«Скажи ему, что траур мой окончен
И облекусь кольчугой боевой».

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Решила амазонкой стать лихой!
Но что сказал на оскорбленье Уорик?

ГОНЕЦ

Он разъярился больше всех, король мой;
С такою речью отпустил меня:
«Скажи, что им я тяжко оскорблен,
И скоро мной низложен будет он».

392

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Как! Смел так дерзко говорить изменник?
Что ж, я вооружусь: предупрежден я.
Войной они поплатятся за наглость.
А что, граф Уорик дружен с Маргаритой?

ГОНЕЦ

Так дружен, государь, что принц Эдвард
Решил на дочери его жениться.

КЛАРЕНС

На старшей, верно. Младшая – за мной. –
Прощайте ж, брат король, держитесь крепче.
Дочь Уорика вторую взять спешу.
Хоть я и не владею королевством,
Все ж в браке ниже вас не окажусь. –
Кто друг и мне и Уорику, за мной!

(Уходит, за ним Сомерсет.)

ГЛОСТЕР *(в сторону)*

Не я.
Я выше мечу, потому останусь:
Не из любви к Эдварду – для короны.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

За Уорика – и Сомерсет и Кларенс!
Что ж, к худшему теперь я подготовлен.
Но в крайности такой нужна поспешность. –
Пембрук и Стеффорд, именем моим
Войска сберите и к войне готовьтесь;
Враги уж здесь иль высадятся скоро.
Я сам тотчас последую за вами.

ПЕМБРУК и СТЕФФОРД уходят.

Но прежде чем уйду отсюда, Хестингс
И Монтегью, сомнение разрешите.
Вы двое и по крови и по дружбе
Всех ближе к Уорику. Скажите мне,
Кто вам дороже: Уорик или я?
Коль он – к нему ступайте. Предпочту
Двух недругов я двум друзьям непрочным.
Но если сохранить хотите верность,
Меня уверьте дружескою клятвой,
Чтоб не держал на подозренье вас.

393

МОНТЕГЬЮ

Бог в помощь Монтегью, коль будет верен!

ХЕСТИНГС

И Хестингсу, коль вам послужит он!

КОРОЛЬ ЭДУАРД

А вы, брат Ричард, будете за нас?

ГЛОСТЕР

Всем вопреки, кто против вас пойдет.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Коль так, вполне уверен я в победе.
Скорее в путь! Ни часу не терять,
Пока не встретим в поле вражью рать.

Уходят.

СЦЕНА 2.

Равнина в Уорикишире.

Входят УОРИК и ОКСФОРД с французскими войсками.

УОРИК

Милорд, поверьте, все идет прекрасно,
Простой народ к нам толпами стремится.

Входят КЛАРЕНС и СОМЕРСЕТ.

Вот Сомерсет и Кларенс к нам идут!
Скорей ответьте, лорды, мы друзья?

КЛАРЕНС

Не сомневайтесь в том.

УОРИК

Тогда привет тебе, любезный Кларенс. –
И вам, лорд Сомерсет. – Я был бы трусом,
Не веря тем, чье доблестное сердце
Мне руку подает залогом дружбы.
Иначе я подумал бы, что Кларенс,
Брат Эдуарда, мнимый наш сторонник. –
Прими привет; я дочь тебе отдам.

394

Но почему теперь, во мраке ночи,
Когда твой брат раскинул стан беспечно,
По городам рассыпались солдаты
И слабою лишь стражей он храним, –
Не захватить бы нам его врасплох?
Разведчики находят дело легким.
И как Улисс и храбрый Диомед,
С отвагою и хитростью прокравшись
К палаткам Реза, вывели оттуда
Фракийских роковых коней, – так мы,
Сокрытые покровом черным ночи,
Сразив нежданно стражу Эдуарда,
Его захватим; не скажу – убьем,
Затем что я лишь взять его намерен. –
Вы, что ко мне примкнете в этом деле,
Все имя Генриха провозгласите
Вслед за своим вождем.

Все кричат: «Генрих!»

Итак, мы молча
Все двинемся вперед. Святой Георгий
За Уорика и за его друзей!

Уходят.

СЦЕНА 3.

Лагерь Эдуарда близ Уорикшира.

Входят несколько часовых для охраны королевской палатки.

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Ступайте каждый к своему посту:
Король уселся уж и спать собрался.

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Как? Разве он не ляжет?

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Ну, нет: он дал торжественный обет,
Что он не будет почивать в постели,
Покуда Уорик не падет иль он.

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Наверно, завтра будет этот день,
Коль верен слух, что Уорик недалеко.

395

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Но кто, скажите, этот знатный лорд,
Что с королем в шатре его остался?

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

То Хестингс, короля ближайший друг.

ТРЕТИЙ ЧАСОВОЙ

Вот как! Но почему велел король,
Чтоб в городах стояли полководцы,
А сам на холоду ночует в поле?

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Тем больше чести, что опасно это.

ТРЕТИЙ ЧАСОВОЙ

Ах, дайте только мне покой с почетом!
Они милее мне опасной чести.
Знай Уорик, как у нас все обстоит,
Пожалуй, Эдуарда разбудил бы он.

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Мы алебардами закроем путь.

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Ну да! Затем шатер и караулим,
Чтоб от ночных врагов его хранить.

Входят УОРИК, КЛАРЕНС, ОКСФОРД и СОМЕРСЕТ с отрядом французских солдат.

УОРИК

Смотрите, вот шатер; а вот и стража.
Смелей, друзья! Теперь иль никогда
Стяжаем честь. И Эдуарда схватим.

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ

Кто там?

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ

Стой – иль умрешь!

УОРИК и остальные с криком: «Уорик! Уорик!» – бросаются на стражу, которая бежит, крича: «К оружию! К оружию!» УОРИК и остальные преследуют их.

Барабанный бой и трубы.

Возвращаются УОРИК, СОМЕРСЕТ и другие, неся КОРОЛЯ ЭДУАРДА, сидящего в ночной одежде на кресле.

ГЛОСТЕР и Хестингс убегают.

396

СОМЕРСЕТ

Кто эти, что бегут?

УОРИК

Ричард и Хестингс. Пусть их. Вот сам герцог.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Как – герцог? Уорик, ты, со мной прощаясь,
Звал королем меня!

УОРИК

Все изменилось.
Когда во мне посла вы оскорбили,
Я сана королевского лишил вас;
Отныне будете вы герцог Йорк.
Увы! Где управлять вам королевством,
Не зная, как держать себя с послами,
Как быть довольным лишь одной супругой,
Как с братьями вести себя по-братски,
И как заботиться о благе края,
И как обороняться от врагов?

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Как! Ты, брат Кларенс, тоже с ними здесь?
Да, вижу я, что должен пасть Эдвард! –

Что ж, Уорик, вопреки моим невзгодам,
Тебе и всем сообщникам твоим, –
Эдвард держаться будет королем.
Хоть свергнут с трона я Фортуной злобной,
Душа сильнее колеса ее.

УОРИК

Так будь в душе английским королем.

(Снимает с его головы корону.)

Носить венец английский будет Генрих:
Он будет королем, а ты – лишь тенью. –
Лорд Сомерсет, прошу вас, позаботьтесь,
Чтоб герцог Эдуард препровожден был
В тот замок, где живет епископ Йоркский,
Мой брат. Когда я с Пембруком сражусь,
Прибуду к вам и расскажу подробно,
Какой ответ Людовик с Боной дали.
Пока прощайте, добрый герцог Йорк.

397

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Смириться должно пред судьбы вельем;
Борьба напрасна с ветром и теченьем.

КОРОЛЬ ЭДУАРД *под стражей* и СОМЕРСЕТ *уходят.*

ОКСФОРД

Что остается, лорды, сделать нам,
Как не направиться с войсками в Лондон?

УОРИК

Да, первое, что надо сделать нам, –
Из плена Генриха освободить
И возвести на королевский трон.

Уходят.

СЦЕНА 4.

Лондон. Покой во дворце.

Входят КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА *и* РИВЕРС.

РИВЕРС

Что, государыня, вас омрачило
Внезапно?

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Как! Брат Риверс, не слышали
Вы о беде, постигшей Эдуарда?

РИВЕРС

Что? Много войск он потерял в сраженье?

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Нет, самого себя он потерял.

РИВЕРС

Так государь убит?

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Почти убит, раз в плен он взят врагами.
Иль изменившей стражей был он предан,
Иль неприятелем врасплох захвачен;
И, как мне удалось потом узнать,

398

Его епископ Йоркский стережет,
Брат Уорика и потому наш враг.

РИВЕРС

Признаться должен, эта весть печальна;
Но пусть ваш дух беда не сокрушит:
Ведь победитель может быть разбит.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Надежда эта сердце мне живит.
А я отчаиваться не должна
Из нежности к плоду любви Эдуарда,
Что я ношу под сердцем; это даст
Мне силы обуздать порывы скорби
И с кротостью нести страданий крест.
Да, через силу я глотаю слезы
И вздохи, кровь сосущие, глушу,
Чтоб эту жизнь во мне не угасить,
Наследника в слезах не утопить.

РИВЕРС

Но с Уориком что случилось, королева?

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Как мне известно, он идет на Лондон,

Чтоб вновь корону Генриху вернуть.
Что дальше – догадайтесь: пасть должны
Друзья Эдварда. Но чтоб отвратить
Кровавое насилие тирана
(Тому не верь, кто клятве изменил!),
Скорей в святилище я удалюсь,
Спасая хоть наследника Эдварда;
Там скроюсь от насилия и коварства.
Итак, пойдем; бежим со мной тотчас.
Спасенья нет, коль Уорик схватит нас.

Уходят.

СЦЕНА 5.

Парк близ замка Мидлхем в Йоркшире.

Входят ГЛОСТЕР, ХЕСТИНГС, СЭР Вильям Стенли и другие.

ГЛОСТЕР

Теперь, лорд Хестингс и сэр Вильям Стенли,
Не удивляйтесь больше, что я вас

399

Привел сюда, в глухое место парка.
Вот дело в чем. Наш государь, мой брат,
В плену здесь, у епископа, который
С ним хорошо обходится и даже
Ни в чем его свободы не стесняет.
Нередко под надзором слабым брат
Себя охотой в парке развлекает,
И тайно я уведомил его,
Чтоб в это время дня сюда пришел он,
Как на обычную охоту. Здесь он
Найдет друзей с конями и людьми,
Готовых вызволить его из плена.

Входят КОРОЛЬ ЭДУАРД и ЕГЕРЬ.

ЕГЕРЬ

Сюда, милорд; там притаилась дичь.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Нет, друг, пойдем к охотникам вот этим. –
Ну, Глостер, Хестингс, вы сюда явились
Оленя у епископа украсть?

ГЛОСТЕР

Брат, торопись, опасно промедленье;
Твой конь стоит там за оградой парка.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Куда же мы поедем?

ХЕСТИНГС

В Линн, государь; во Фландрию оттуда.

ГЛОСТЕР

Отличный план, поверь; я то же думал.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Я награжу тебя за рвенье, Стенли.

ГЛОСТЕР

Чего мы ждем? Не время рассуждать.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ну, егерь, что ты скажешь? Хочешь с нами?

400

ЕГЕРЬ

Придется, а не то меня повесят.

ГЛОСТЕР

Идемте же; довольно толковать.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Прощай, епископ. Уорик разъярится:
Молись о том, чтоб вновь мне воцариться.

Уходят.

СЦЕНА 6.

Комната в Тауэре.

*Входят Король Генрих, Кларенс, Уорик, Сомерсет, молодой
Ричмонд, Оксфорд, Монтегью и Комендант Тауэра.*

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Ну, комендант, теперь, когда друзья
И бог с престола свергли Эдуарда,
Мой плен опять в свободу обратили,

Мой страх – в надежду и печали – в радость, –
Чем при уходе наградить тебя?

КОМЕНДАНТ

Не смеют подданные ничего
У властелина требовать; но если
Дозволена смиренная мольба,
Я, государь, у вас прошу прощенья.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

В чем, комендант? Что ты со мной был добр?
Верь, награжу я доброту твою,
Что заточенье сделала отрадой, –
Отрадою, какую птица в клетке
Испытывает после долгой грусти,
Когда, предавшись пению, она
Забудет, что свободы лишена. –
Ты, Уорик, волей божьей спас меня:
Тебе и богу благодарен я;
Он был причиной, ты – его орудьем.
И вот, чтоб отвратить Фортуны зависть,
Я стану скромно жить в уединенье,

401

И чтоб народ страны благословенной
От звезд моих зловедных не страдал, –
Хоть на челе моем корона, Уорик,
Я управление тебе вручаю,
Затем что ты во всех делах удачлив,

УОРИК

Вас славили всегда за добродетель.
Теперь и мудрость вы и добродетель
Являете, стремясь Фортуны зависть
Предотвратить. Немногим лишь дано
Со звездами своими быть в ладу.
В одном, король, вы все же неправы;
При Кларенсе меня избрали вы.

КЛАРЕНС

Нет, Уорик, ты вполне достоин власти:
Ведь при рожденье присудило небо
Тебе оливы ветвь с венцом лавровым,
Благословив равно в войне и в мире,
И я тебе охотно уступаю.

УОРИК

А я хочу, чтоб Кларенс был протектор.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Кларенс и Уорик, дайте руки мне.
Соедините руки и сердца,
Чтобы раздор правленью не мешал:
Вы будете протекторами оба.
А я в уединенье, на покое
Остаток дней молитвам посвящу
И буду каяться в своих грехах,
Хвалы творцу смиренно воздавая.

УОРИК

Что Кларенс повелителю ответит?

КЛАРЕНС

Что он согласен, коль согласен Уорик:
Я полагаюсь на твою удачу.

УОРИК

Что ж, соглашусь и я, хоть поневоле.
Как тень двойная Генриха, впряжемся

402

В одно ярмо, чтоб заместить его, –
Я разумею тягости правленья.
Покой и почести ему оставим.
Ну, Кларенс, нам теперь необходимо,
Изменником Эдварда объявив,
Конфисковать имущество и земли.

КЛАРЕНС

А что еще? Определить наследство.

УОРИК

Да, Кларенс в нем свою получит долю.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Но прежде всех важнейших ваших дел
Прошу – я не приказываю больше –
Послать за королевой и за сыном
Во Францию и спешно их вернуть.
Пока их не увижу, – страх, сомненья
Свободы радость омрачают мне.

КЛАРЕНС

Исполним тотчас это, государь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Кто этот юноша, лорд Сомерсет,
Которого храните вы так нежно?

СОМЕРСЕТ

Мой государь, то молодой граф Ричмонд.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Ко мне приблизься, Англии надежда.

(Кладет руку ему на голову.)

Коль силы тайные вещают правду
Пророческому духу моему,
Красивый этот мальчик принесет
Благословение родной стране.
В его чертах – спокойное величье,
И создано чело носить корону,
Рука державой править; суждено
Ему со временем престол украсить.
Его, милорды, чтите: он рожден
Исправить вред, что мною причинен.

Входит Гонец.

403

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Какие вести, друг?

ГОНЕЦ

От брата вашего бежал Эдвард;
Потом в Бургундию, как слышно, скрылся.

УОРИК

Весть горькая! Но как же он бежал?

ГОНЕЦ

Он братом Глостером был увезен
И Хестингсом, что на опушке парка,
В засаде притаясь, Эдварда ждали
И вырвали его у егерей:
Он ежедневно тешился охотой.

УОРИК

Мой брат небрежно исполнял свой долг. –
Что ж, государь, пойдем держать совет,
Как средство нам найти от всяких бед.

Уходят все, кроме СОМЕРСЕТА, РИЧМОНДА и ОКСФОРДА.

СОМЕРСЕТ

Милорд, не нравится мне бегство это:
В Бургундии помогут Эдуарду,
И вскоре будет новая война.
Насколько предсказанье короля
Порадовало сердце мне надеждой
На молодого Ричмонда, – настолько ж
Тревожит грудь предчувствие невзгод,
Что в будущем ему и нам грозят.
Итак, лорд Оксфорд, чтобы зла избегнуть,
Скорей отправим юношу в Бретань,
Пока гражданская не минет брань.

ОКСФОРД

Да, коль Эдвард опять взойдет на трон,
Погибнуть юный Ричмонд обречен.

СОМЕРСЕТ

Пусть будет так; ему в Бретани жить.
Идемте, лорды: надо нам спешить.

Уходят.

404

СЦЕНА 7.

У стен Йорка.

Входят КОРОЛЬ ЭДУАРД, ГЛОСТЕР, ХЕСТИНГС и войско.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Итак, брат Ричард, Хестингс и вы все,
Фортуна до сих пор к нам благосклонна
И обещает, что свое паденье
Сменю я вновь на золотой венец.
Я дважды переплыл счастливо море
И помощь из Бургундии привез.
Теперь, когда из порта Ревенсперга
К воротам Йорка мы пришли, осталось
Нам только в наше герцогство войти.

ГЛОСТЕР

Ворота заперты. – Недобрый знак!
Ведь кто споткнется на пороге дома,
Опасность должен в нем подозревать.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ну, полно! Нечего примет бояться.
Добром иль худом, мы должны войти;
Наверно, в Йорке к нам примкнут друзья.

ХЕСТИНГС

Я снова постучусь, чтоб нам открыли.

Всходят на стену МЭР ЙОРКА с олдерменами.

МЭР

Милорды, мы о вашем приближенье
Извещены и заперли ворота
Для безопасности, затем что ныне
Должны мы верность Генриху хранить.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Но, мэр, коль Генрих вам теперь король,
Эдвард по меньшей мере герцог Йоркский.

405

МЭР

Я меньшим вас, милорд, не почитаю.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Я требую лишь герцогство мое,
Которым я довольствоваться буду,

ГЛОСТЕР *(в сторону)*

Но стоит лишь просунуть нос лисице,
Все туловище вслед за ним протащит.

ХЕСТИНГС

Так что же вы стоите, мэр, в сомненье?
Ворота настезь! Мы друзья монарху.

МЭР

Ну, если так, ворота отопрем.

(Уходит с олдерменами со стены.)

ГЛОСТЕР

Начальник мудрый – быстро согласился!

ХЕСТИНГС

Старик хотел бы, чтоб все гладко было, –
Лишь бы ему остаться в стороне.
Когда ж войдем, не сомневаюсь, быстро
Его и весь совет мы образумим.

Входят внизу МЭР и два олдермена.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ворота надо запирать, лорд-мэр,
В военное лишь время или на ночь.
Не бойся же и мне отдай ключи.

(Берет ключи.)

Эдвард тебя и город защитит
И каждого, кто за него стоит.

Марш.

Входит МОНТГОМЕРИ с войсками.

406

ГЛОСТЕР

Брат, к нам пришел сэр Джон Монтгомери,
Наш верный друг, коль я не ошибаюсь.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Привет, сэр Джон! Зачем пришел ты с войском?

МОНТГОМЕРИ

Помочь Эдварду в час жестокой бури,
Как всякий честный подданный обязан.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Спасибо, дорогой Монтгомери.
Но позабыл я о правах на трон
И требую лишь герцогство мое,
Пока пошлет господь мне остальное.

МОНТГОМЕРИ

Тогда прощайте, я покину вас.
Не герцогу служу, а королю. –
Бить в барабаны! Мы уходим прочь.

Начинается марш.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Нет, погоди, сэр Джон, с тобой обсудим,
Как лучше мне вернуть себе корону.

МОНТГОМЕРИ

Чего тут обсуждать? Скажу вам сразу:
Коль не потребуете вы престола,
Судьбе вас предоставлю и уйду,
Чтоб задержать идущих к вам на помощь.
Зачем борьба, когда вам трон не нужен?

ГЛОСТЕР

К чему такая щепетильность, брат?

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Когда укрепнем, мы права предъявим,
А до тех пор мудрей скрывать нам цель.

ХЕСТИНГС

Сомненья прочь! Оружье все решит.

407

ГЛОСТЕР

Бесстрашный дух скорей венца достигнет.
Брат, тотчас вас объявим королем:
Молва о том к вам привлечет друзей.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Что ж, будь по-вашему. За мной права,
А Генрих вырвал у меня корону.

МОНТГОМЕРИ

Вот это речь, достойная монарха;
За Эдуарда стану я борцом.

ХЕСТИНГС

Греми, труба! Провозгласим Эдварда! –
Сюда, солдат, читай провозглашение.

(Дает бумагу солдату.)

Трубы.

СОЛДАТ

«Мы, Эдуард Четвертый, милостию божией король Англии
Франции, властитель Ирландии и прочее...».

МОНТГОМЕРИ

Всех, кто отрицает право Эдуарда,
На поединок я зову кровавый.

(Бросает перчатку.)

ВСЕ

Да здравствует король Эдвард Четвертый!

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Благодарю Монтгомери и всех;
Вас награжу, коль ждет меня удача.
Мы проведем здесь в Йорке эту ночь;
Когда ж золотая колесница солнца
Над горизонтом встанет, мы пойдем
Навстречу Уорику с его друзьями:
Ведь нам известно, что не воин Генрих.
Строптивый Кларенс, как тебе не стыдно
Льстить Генриху и брата оставлять?
С тобой и с Уориком я скоро встречусь. –
Вперед, солдаты! Верьте все в успех!
Вслед за победой ждет награда всех'

Уходят.

408

СЦЕНА 8.

Лондон. Покой во дворце.

Трубы.

Входят КОРОЛЬ ГЕНРИХ, УОРИК, КЛАРЕНС, МОНТЕГЬЮ, ЭКСЕТЕР и
ОКСФОРД.

УОРИК

Что посоветуете? Эдуард
Из Бельгии вернулся во главе
Драчливых немцев и тупых голландцев,
Пролив благополучно переплыл
И прямо к Лондону ведет войска.
Немало сброда вокруг него теснится.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Пусть войско соберут и их прогонят.

КЛАРЕНС

Легко огонь в начале затоптать;
Дай разгореться – не зальешь рекою.

УОРИК

Есть в Уорикшире у меня друзья, –
Миролюбивы, но храбры в сраженьях;
Я соберу их. – Ты же, сын мой Кларенс,
Сзывай в Сеффолке, Норфолке и Кенте
Дворян и рыцарей под наше знамя. –
Брат Монтегью, найдешь ты в Бекингеме,
Нортемптоне и Лестершире много
Людей, готовых за тобой идти. –
Ты, храбрый Оксфорд, горячо любимый
В Оксфорде, там сберешь своих друзей. –
А государь, среди верных горожан,
Как остров наш, морями окруженный,
Иль скромная Диана среди нимф,
Пребудет здесь, пока мы не вернемся.
Сейчас же в путь, без возражений, лорды. –
Прощайте, государь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Прощай, мой Гектор! Ты – надежда Трои.

КЛАРЕНС

В знак верности целую руку вам.

409

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Во всем будь счастлив, мой надежный Кларенс!

МОНТЕГЬЮ

Мужайтесь, государь. Затем – прощайте.

ОКСФОРД

(целует Генриху руку)

Свою скрепляю верность. До свиданья.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Друг Оксфорд, милый Монтегью и все вы,
Еще раз пожелаю счастья вам.

УОРИК

Прощайте, лорды; в Ковентри сойдемся.

Уходят все, кроме КОРОЛЯ ГЕНРИХА и ЭКСЕТЕРА.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Здесь во дворце останусь я на время. –
Кузен мой Эксетер, как ваше мнение?
Мне кажется, отряды Эдуарда
Не в силах с нашим войском бой принять.

ЭКСЕТЕР

Не соблазнил бы только он других!

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Не страшно это: добротой я славлюсь;
Не заграждал я слуха к их мольбам,
Не допускал я долгих проволочек;
Я жалостью их раны исцелял
И добротой облегчал их скорбь;
Я милосердьем осушал их слезы;
Не домогался я ничьих богатств;
Налогами их не обременял;
Не мстил им, – хоть грешили предо мною, –
За что ж любить им Эдуарда больше?
Нет, Эксетер, добром за милость платят;
И если будет ласков лев с ягненком,
Ягненок, верь, последует за ним.

Крики за сценой: «Йорк!», «Йорк!»

410

ЭКСЕТЕР

Ты слышишь, государь? Что там за крики?

Входят КОРОЛЬ ЭДУАРД и ГЛОСТЕР с солдатами.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Взять труса Генриха! Прочь увести!
Вновь королем меня провозгласить! –
Ты многих мелких ручейков источник.
Твой ток прерву, и воды их поглотит
Мой океан и возрастет от них. –
Скорее в Тауэр отвести его!
И говорить ему не позволяйте.
Несколько человек с королем Генрихом уходят.

Милорды, путь свой в Ковентри направим,
Где пребывает ныне дерзкий Уорик.
День жарок. Поспешим на сенокос,
Чтоб наши травы не сгубил мороз.

ГЛОСТЕР

Идем, пока он не собрал войска.
Изменник слишком вырос; мы его
Врасплох захватим. В Ковентри, бойцы! –

Уходят.

411

АКТ V.

СЦЕНА 1.

Ковентри.

Всходят на стену УОРИК, МЭР КОВЕНТРИ, два гонца и другие.

УОРИК

Где Оксфорда отважного посланец?
Далеко ли, мой друг, твой господин?

ПЕРВЫЙ ГОНЕЦ

Сейчас он в Денсморе; здесь будет скоро.

УОРИК

А далеко ли брат наш Монтегью?
Где гонец, что прислан Монтегью?

ВТОРОЙ ГОНЕЦ

Сейчас он в Дентри и с могучим войском.

Входит СЭР ДЖОН СОМЕРВИЛ.

УОРИК

Что скажешь, милый сын мой Сомервил?
Как думаешь: отсюда близко Кларенс?

СОМЕРВИЛ

Я в Саутеме его оставил с войском;
Прибыть он должен через два часа.

Барабанный бой.

412

УОРИК

Подходит Кларенс – барабаны слышу.

СОМЕРВИЛ

О, нет, милорд, там расположен Саутем,
А слышен бой с той стороны, где Уорик.

УОРИК

Кто б это был? Наверно, друг неожиданный.

СОМЕРВИЛ

Они подходят, мы сейчас узнаем.

Марш, трубы.

Входят КОРОЛЬ ЭДУАРД, ГЛОСТЕР и солдаты.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Ступай, трубач; труби к переговорам.
Смотрите, на стене суровый Уорик!

УОРИК

Что вижу я! Ужель Эдвард разгульный?
Подкуплены разведчики иль спали,
Что о его приходе я не знал?

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Отворишь ли ты нам ворота, Уорик?
Склони колени, назови смиренно
Эдварда королем, проси пощады –
И все обиды он тебе простит.

УОРИК

Нет, лучше ты уйди с войсками прочь;
Припомни, кто возвел тебя и сверг.
Патроном Уорика признай, раскайся –
И будешь ты, как прежде, герцог Йоркский.

ГЛОСТЕР

Я ожидал, что скажет он: король!
Иль невзначай обмолвился он шуткой?

УОРИК

Иль герцогство, милорд, не щедрый дар?

ГЛОСТЕР

От графа бедного – конечно, щедрый.
Я окажу тебе взамен услугу.

УОРИК

Дал брату твоему я королевство.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Тогда оно мое, хотя твой дар.

УОРИК

Не Атлас ты, чтоб это бремя снести.
Ты слаб, и Уорик дар берет назад;
Король мой – Генрих, я ему служу.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Но, Уорик, твой король – Эдварда пленник.
Ответь мне на вопрос, любезный Уорик:
Без головы куда годится тело?

ГЛОСТЕР

Увы! Всего не мог предвидеть Уорик!
Пока тащил десятку он простую,
Был из колоды выкраден король.
Вы с Генрихом простились во дворце,
Но в Тауэре с ним встретитесь наверно.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Вот именно. Но все еще ты – Уорик.

ГЛОСТЕР

Пока еще есть время, на колени!
Железо куй, пока горячо.

УОРИК

Скорей себе я руку отрублю
И вам в лицо швырну другой рукою,
Чем парус опущу, себя унизив.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Плыви с попутным ветром по теченью!
За кудри смоляные ухватив
Отрубленную голову твою,
Пока она тепла, своей рукою
В пыли твоею кровью напишу:

«Теперь изменчивый, как ветер, Уорик
Уже не сможет больше изменить».

Входит ОКСФОРД с барабанным боем и знаменами.

УОРИК

Знамена милые! Пришел к нам Оксфорд.

ОКСФОРД

Вот Оксфорд! И да здравствует Ланкастер!

(Входит с войском в город.)

ГЛОСТЕР

Ворота отперты – войдем и мы.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Враги другие могут в тыл ударить.
В строю мы будем ждать: они, конечно,
Наружу выйдут, чтоб сражение дать.
А если нет – их укрепления слабы:
Изменников оттуда выбьем скоро.

УОРИК

Привет мой Оксфорд! Помощь вам нужна.

Входит МОНТЕГЬЮ с барабанным боем и знаменами.

МОНТЕГЬЮ

Вот Монтегью! Да здравствует Ланкастер!

(Входит с войском в город.)

ГЛОСТЕР

И ты и брат твой драгоценной кровью
Заплатите нам скоро за измену.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Чем бой труднее, тем славней победа.
Мой дух победу предвещает мне.

Входит СОМЕРСЕТ с барабанным боем и знаменами.

СОМЕРСЕТ

Вот Сомерсет! Да здравствует Ланкастер!

(Входит с войском, в город.)

Два герцога, с тобою соименных,

415

Своею жизнью заплатили Йоркам.
Коль не изменит меч, ты будешь третьим.

Входит КЛАРЕНС с барабанным боем и знаменами.

УОРИК

Смотрите: вот и Кларенс к нам идет!
Он сможет брату своему дать битву.
Стремление за правду постоять
Сильнее в нем любви к родному брату,

ГЛОСТЕР и КЛАРЕНС шепчутся.

Идите ж, Кларенс, – Уорик призывает.

КЛАРЕНС

Отец, понятно вам, что это значит?

(Срывает со шляпы алую розу.)

Смотри, в тебя бросаю свой позор!
Не стану разорять я дом отца,
Скрепившего своею кровью камни,
Не поддержу Ланкастера. Иль, Уорик.
Ты мнил, что Кларенс так свиреп и груб,
Что меч войны смертельной обратит
На брата и законного монарха?
Быть может, ты напомним мне о клятве?
Сдержав ее, я был бы нечестивей,
Чем Иевфай, принесший в жертву дочь.
Нет, о своем проступке я скорблю,,
И, чтобы милость брата заслужить,
Себя твоим врагом я объявляю,
Решившись твердо, где б тебя ни встретил, –
А я с тобою встречусь, только выйди, –
Отмстить за то, что ты завлек меня.
Тебя, надменный Уорик, вызываю
И обращаюсь к брату со стыдом. –
Прости меня, Эдвард: вину заглажу. –
И ты не хмурься, Ричард, на меня;
Не буду больше я непостоянным.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Привет! Ты в десять раз милее нам,
Чем если бы не навлекал наш гнев.

ГЛОСТЕР

И мой привет! Ты поступил по-братски.

416

УОРИК

Изменник злой! Клятвопреступник подлый!

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Что, Уорик, выйдешь ты сразиться с нами,
Иль нам тебя камнями забросать?

УОРИК

Нет, я не заперся для обороны!
Направляюсь тотчас в Барнет и тебе
Сражение дам, коль ты дерзнешь принять.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Дерзнет Эдвард и первым он пойдет. –
Милорды, в бой! Святой Георгий с нами!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Поле сражения близ Барнета.

Шум битвы. Стычки.

Входит КОРОЛЬ ЭДУАРД, таща за собой раненого УОРИКА.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Так, здесь лежи и умирай; с тобою
Умрет наш страх: нам пугалом был Уорик. –
Ну, Монтегью, держись; ищу тебя,
Чтоб рядом с Уориком сложил ты кости.

(Уходит.)

УОРИК

Ах, кто здесь? Друг иль враг, приди ко мне.
Скажи, кто победитель: Йорк иль Уорик?
К чему вопрос? Израненное тело,
И кровь и слабость – все мне говорит,
Что прах свой должен я отдать земле

И с гибелью моей – врагам победу.
 Так срублен топором бывает кедр,
 В чьей кроне царственный орел гнезвился,
 Под чьею тенью грозный лев дремал
 И чья надменная вершина выше,
 Чем дерево Юпитера, вздымалась,
 От зимних бурь кустарник защищая.

Мой взор, что застилают тени смерти,
 Был ясным, как полуденное солнце,
 И проникал все тайные измены.
 Когда мой лоб, теперь окровавленный,
 Я морщил, содрогались короли.
 Кому б из них не вырыл я могилу?
 Нахмурься я – кто смел бы улыбнуться?
 Вот слава Уорика – в крови и в прахе!
 Свои аллеи, парки и поместья
 Утратил я; из всех земель остался
 Клочок лишь мне, длиною равный телу.
 Что, как не прах – власть, царственность, величье?
 Как ни живи, все ж смерти ты добыча.

Входят Оксфорд и Сомерсет.

СОМЕРСЕТ

Ах, Уорик, Уорик! Если б уцелел ты,
 Могли бы мы вернуть свои потери!
 Сейчас узнали мы: с могучим войском
 Из Франции вернулась королева.
 О, если бы ты с нами мог бежать!

УОРИК

Все ж не бежал бы я. – Ах, Монтегью!
 Коль здесь ты, милый брат, дай руку мне,
 Своим дыханьем удержи мой дух.
 Не любишь ты меня: когда б любил,
 Слезами кровь запекшуюся смыл бы,
 Которая раскрыть уста мешает.
 Приди же, Монтегью, иль я умру.

СОМЕРСЕТ

Ах, Уорик, Монтегью окончил жизнь,
 Но до конца он призывал тебя
 И говорил: «Привет мой передайте

Вы доблестному брату моему!»
Еще пытался что-то он сказать,
Но речь его, как гул в подземном склепе,
Звучала глухо, – разобрать не мог я.
Лишь под конец слова сквозь вздох расслышал:
«Прощай, мой Уорик!»

У О Р И К

Мир духу твоему! – Спасайтесь, лорды.
Прощаюсь с вами я до встречи в небе.

(Умирает.)

418

О К С Ф О Р Д

Скорей навстречу войску королевы!

Уходят, унося тело У О Р И К А .

СЦЕНА 3.

Другая часть поля сражения.

Трубы.

Входит торжественно КОРОЛЬ ЭДУАРД; с ним КЛАРЕНС, ГЛОСТЕР и другие.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

До этих пор ведет нас в гору счастье
И триумфальными дарит венками.
Но среди дня блистательного вижу
Я черную, грозящую нам тучу,
Что повстречает наше солнце прежде,
Чем ложа своего оно достигнет.
Я разумею войско королевы,
Из Галлии прибывшее; на берег
Они уже вступили, и, как слышно,
Навстречу нам идут, чтобы сразиться.

КЛАРЕНС

Развеет эти тучи легкий ветер
И за море прогонит их назад.
Твои лучи рассеют эту мглу;
Родить грозу дано не каждой туче.

ГЛОСТЕР

У королевы тридцать тысяч войска,

И Сомерсет и Оксфорд к ней бежали.
Коль ей дадим передохнуть, поверь,
Нам равною она по силе станет.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Нам сообщили верные друзья,
Что в Тьюксбери направились они.
При Барнете победу одержав,
Мы поспешим туда: дорога легче,
Коль весело идти. И в каждом графстве,
Где мы пройдем, свое умножим войско. –
Бить в барабан! Кричать: «Смелей!» – и в путь.

Трубы.

Уходят.

419

СЦЕНА 4.

Равнина близ Тьюксбери.

Марш.

*Входят КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, ПРИНЦ ЭДУАРД, СОМЕРСЕТ, ОКСФОРД и
солдаты.*

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Кто мудр, не плачет о потерях, лорды,
Но бодро ищет, как исправить вред.
Пусть, бурей сломлена, упала мачта,
Канат оборван и потерян якорь,
И половина моряков погибла, –
Все ж кормчий жив. Прилично ли ему,
Как робкому мальчишке, бросить руль,
Слезами воды моря умножать.
Обилье превращая в преизбыток,
Меж тем, как разбивается о скалы
Корабль, что был бы мужеством спасся?
Какой позор! Какой проступок тяжкий!
Пусть якорем был нашим Уорик, – что ж!
И мачтой Монтегью, – что ж из того?
Снастями – павшие друзья, – так что же?
Иль якорем другим не стал нам Оксфорд,
А Сомерсет – другой надежной мачтой,
Друзья ж французы – крепкими снастями?

Хоть мы неопытны, принц Нед и я,
Заменим кормчего на этот раз.
Не бросим руль, чтобы сидеть и плакать,
Но будем править, вопреки ветрам,
Средь скал и мелей, что грозят крушением.
Льстить волнам иль бранить их – толку мало.
Что, как не море бурное, Эдвард?
А Кларенс – не коварная ли мель?
И Ричард – не горбатый ли утес?
Они – враги ладье несчастной нашей.
Пуститься вплавь? – Недолго проплывете.
На отмель ступите? – Пески поглотят.
Взберетесь на скалу? – Прибой вас смоем,
Иль с голоду умрете. Смерть тройная!
Я это говорю, чтоб знали вы
На случай, если б вздумал кто бежать,
Что он от братьев может ждать пощады
Не больше, чем от волн, песков и скал.

420

Итак, смелей! Ребячество – бояться
Иль плакать, если неизбежно зло.

ПРИНЦ ЭДУАРД

Да, женщина с такою силой духа,
Когда бы речь ее услышал трус,
Отвагу в сердце бы ему вселила,
И он пошел бы в битву безоружный.
Я, впрочем, здесь ни в ком не сомневаюсь;
Когда б средь вас я заподозрил труса,
Заранее бы отпустил его,
Чтоб в час невзгоды он не заразил
И остальных своим тлетворным духом.
Коль есть такой, – чего избави, боже, –
Пусть он уходит до начала битвы.

ОКСФОРД

Коль женщины и дети так смелы,
А воины робеют, – вечный стыд им!
О храбрый юный принц! Твой славный дед
В тебе воскрес. Да проживешь ты долго,
Чтоб славу возродить его и образ!

СОМЕРСЕТ

Кто ради этого не хочет биться,

Пусть ляжет спать, как сыч, средь бела дня;
А встанет – будут все над ним смеяться.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Спасибо, Сомерсет. – Спасибо, Оксфорд.

ПРИНЦ ЭДУАРД

Примите благодарность от того,
Кто ничего другого дать не в силах.

Входит Гонец.

ГОНЕЦ

Готовьтесь, лорды: Эдуард подходит,
Чтоб дать вам бой. Решительными будьте.

ОКСФОРД

Я так и ждал: ему прямой расчет
Спешить, чтобы застигнуть нас врасплох.

СОМЕРСЕТ

Но ошибется он, – готовы мы.

421

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Усердье ваше радует мне сердце.

ОКСФОРД

Здесь выстроимся мы и не отступим.

Марш, трубы.

Входят Король Эдуард, Глостер, Кларенс и солдаты.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Отважные друзья! Вот лес терновый,
Что с помощью небес и вашей силы
Должны до корня вырубить мы к ночи.
Мне разжигать ваш пыл теперь не надо.
И без того спалить тот лес вы рветесь. –
Сигнал подайте к бою – и вперед!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Дворяне, лорды, рыцари! Мешают
Рыданья говорить: что б ни сказала,
При каждом слове я глотаю слезы.
Скажу вам лишь одно: король ваш Генрих

Взят в плен врагом, престол его захвачен,
Весь край наш – бойня, граждан убивают,
Казна расхищена, закон поруган;
И вот он – волк, что тот разбой творит.
Сражаетесь за правду вы, – так с богом,
Отважны будьте! – Дать сигнал к сраженью!

Оба войска уходят.

СЦЕНА 5.

Другая часть равнины. Шум битвы. Стычки, затем отбой.

Трубы.

*Входят КОРОЛЬ ЭДУАРД, ГЛОСТЕР, КЛАРЕНС и солдаты; с ними пленные –
КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, ОКСФОРД и СОМЕРСЕТ.*

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Теперь настал конец кровавым смутам.
Пусть Оксфорда отправят в Гамский замок,
А Сомерсету голову долой.
Возьмите их, я не хочу их слушать.

422

ОКСФОРД

Тебя словами я не потревожу.

СОМЕРСЕТ

Ни я; перед судьбой склонюсь покорно.

ОКСФОРД и СОМЕРСЕТ под стражей уходят.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Мы грустно расстаемся в этом мире,
Чтоб встретиться в Иерусалиме горнем.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Объявлено ль, что взявший Эдуарда
Награду получает, пленный – жизнь?

ГЛОСТЕР

Да, государь. А вот и Эдуард!

Входят солдаты, ведя ПРИНЦА ЭДУАРДА.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Сюда молодчика. Что скажет он?
Как! Юный терн уже колоться начал?
Эдвард, чем ты вину свою загладишь,
Что поднял меч, народ мой возмутил
И причинил такую мне тревогу?

ПРИНЦ ЭДУАРД

Как подданный ты должен говорить,
Надменный, гордый Йорк! Тебе скажу я
От имени отца: отдай свой трон
И там, где я стою, склони колени –
И обращусь к тебе с такой же речью,
Какой меня, изменник, вопрошаешь.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Ах, если б твой отец был тверд, как ты!

ГЛОСТЕР

Тогда б носили юбку вы, как прежде,
И у Ланкастера штанов не крали.

ПРИНЦ ЭДУАРД

Эзопа басни – кстати в зимний вечер;
А здесь такие притчи неуместны.

423

ГЛОСТЕР

За это я тебя, щенок, замучу.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Ты для того и создан, чтобы мучить.

ГЛОСТЕР

Убрать отсюда эту злую бабу!

ПРИНЦ ЭДУАРД

Нет, лучше злого горбуна убрать!

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Молчи, наглец, иль рот тебе зажму!

КЛАРЕНС

Мальчишка-неуч, слишком ты заносчив.

ПРИНЦ ЭДУАРД

Свой долг я знаю, вы же свой забыли!
Развратный Эдуард, предатель Джордж
И безобразный Дик, я говорю вам:
Я выше вас; изменники вы все.
Ты захватил престол отца и мой!

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Так вот тебе, исчадь злобной ведьмы!

(Закалывает его.)

ГЛОСТЕР

Ты дышишь? Вот – чтоб сократить мученья.

(Тоже наносит удар.)

КЛАРЕНС

А вот – за обвиненье в вероломстве.

(Тоже наносит удар.)

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Убей же и меня!

ГЛОСТЕР

Изволь, готов.

(Хочет убить ее.)

424

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Стой, Ричард! Натворили мы довольно.

ГЛОСТЕР

Зачем ей жить? Чтоб языком молоть?

КОРОЛЬ ЭДУАРД

С ней дурно? Привести ее в сознание.

ГЛОСТЕР *(Кларенсу)*

Пусть извинит меня король, мой брат.
По делу важному спешу я в Лондон, –
К прибытью вашему там будет новость.

КЛАРЕНС

Что? Что?

ГЛОСТЕР

Я в Тауэр! В Тауэр!

(Уходит.)

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Нед, милый Нед! Здесь мать твоя. Хоть слово
Скажи. Не можешь? Изверги! Убийцы!
Пронзивший Цезаря не пролил крови,
Не сделал зла, не заслужил хулы
В сравнение с этим зверским злодеяньем:
То муж был, а мой сын – почти ребенок.
Мужи не вымещают гнев на детях.
Как мне назвать вас? Вы гнусней убийц.
Нет! Нет! От речи разорвется сердце:
Что ж, буду говорить – пусть разорвется.
Мерзавцы! Людоеды! Мясники!
Какой цветок до срока вы скосили!
У вас детей нет, мясники, не то бы
Вам мысль о них внушила состраданье.
Но если суждено иметь детей вам,
Пускай их умертвят в расцвете юном,
Как вы стубили принца, палачи!

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Убрать ее! Тащите прочь отсюда!

425

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Не надо! Здесь покончите со мной.
Сюда ударь, – убийце я прощу.
Не хочешь ты? Тогда убей ты, Кларенс.

КЛАРЕНС

Клянусь, не дам тебе такой отрады.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Исполни, добрый Кларенс! Милый Кларенс!

КЛАРЕНС

Иль не слыхала клятвы ты моей?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Да, но привык ты клятвы нарушать.
То грех был, а теперь лишь милость будет.
Не хочешь ты? Где ж дьявольский мясник?

Где богомерзкий Ричард? Ричард, где ты?
Как милостыню, ты творишь убийство.
Не прогоняешь ты просящих крови.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Прочь, я сказал. Тащите прочь ее.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА

Пусть будет с вами всеми то, что с принцем!

(Ее уводят силой.)

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Где Ричард?

КЛАРЕНС

Он спешно отбыл в Лондон, государь;
Должно быть, на кровавый ужин в Тауэр.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Он скор бывает, что-нибудь задумав.
Теперь идемте. Заплатить солдатам
И распустить, сказав спасибо. В Лондон!
Узнаем, что с любезной королевой.
Она мне, верно, подарила сына.

Уходят.

426

СЦЕНА 6.

Лондон. Комната в Тауэре.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ *сидит с книгой в руках; перед ним* КОМЕНДАНТ ТАУЭРА.

Входит ГЛОСТЕР.

ГЛОСТЕР

Привет, милорд, вам! Как! Вы все за книгой?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Да, добрый лорд... «Милорд» – сказать бы надо.
Льстить – грех, а словом «добрый» я польстил.
Ведь «добрый Глостер» или «добрый дьявол» –
Одно и то же, и равно нелепо.
Итак, ошибся я: не «добрый лорд».

ГЛОСТЕР *(коменданту)*

Оставьте нас; поговорить нам надо.

КОМЕНДАНТ *уходит*.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Пастух беспечный так бежит от волка,
Так подставляет кроткая овца
Сначала шерсть под нож, потом и горло.
Что за убийство разыграет Росций?

ГЛОСТЕР

Всегда в душе преступной – подозренье;
Вор принимает каждый куст за стражу.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Но птице, пойманной в кустах однажды,
Сомнение внушает каждый куст;
Я ж, милого птенца отец несчастный,
Теперь того перед собою вижу,
Кем он приманен, схвачен и убит.

ГЛОСТЕР

Какой безмозглый дурень был критянин,
Учивший сына птичьему искусству!
Тот, несмотря на крылья, утонул.

427

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Да, я – Дедал, мой бедный сын – Икар,
Отец же твой – Минос, нам путь пресекавший;
То солнце, что спалило крылья сыну, –
Твой старший брат Эдуард, а сам ты – море,
Чьи волны поглотили жизнь его.
Убей меня оружием, не словами!
Охотней примет грудь удар кинжала,
Чем слух мой – твой трагический рассказ.
Зачем пришел ты? За моею жизнью?

ГЛОСТЕР

Иль принял ты меня за палача?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Гонитель злобный ты, в том нет сомненья.
Когда убийство жертв невинных – казнь,
То кто же, Глостер, ты, как не палач?

ГЛОСТЕР

Я сына твоего убил за дерзость.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Когда б за дерзость первую свою
Ты был убит, то не убил бы принца.
И я пророчу: много тысяч тех,
Кто и крупницы страха моего
Теперь не знают, – много скорбных старцев,
И вдов, и горько плачущих сирот,
Отцов, лишенных сыновей любимых,
Жен, о мужьях рыдающих, детей,
Скорбящих о родителей кончине, –
Час твоего рожденья проклянут.
Когда рождался ты, сова кричала,
Безвременье вещая, плакал филин,
Псы выли, ураган крушил деревья,
Спустился на трубу зловеший ворон,
И хор сорок нестройно стрекотал.
И мать твоя, хотя страдала больше,
Чем матери другие, родила
Себе отрады меньше, чем должна бы, –
Бесформенный, уродливый комок,
На плод такого древа непохожий.
С зубами ты родился в знак того,

428

Что в мир пришел, чтобы терзать людей.
И если правда, что еще слышал я,
Пришел ты...

ГЛОСТЕР

Больше слушать не хочу.
Уми, пророк, своей не кончив речи!

(Закалывает его.)

Мне суждено и это было также.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

...Для множества других еще убийств.
Меня помилуй, боже, и его!

(Умирает.)

ГЛОСТЕР

Как! Льется кровь Ланкастера на землю?
Я думал, что она взметнется к небу.
Как плачет меч о смерти короля!
Пусть льют всегда рубиновые слезы
Все, кто сулит паденье дому Йорка!
Когда хоть искру жизни сохранил ты, –
В ад, в ад ступай и Расскажи, что я

(снова пронзает его)

Тебя послал туда, что я не знаю
Ни жалости, ни страха, ни любви.
Да, правда все, что Генрих говорил:
От матери своей я часто слышал,
Что я пришел на свет вперед ногами.
Что ж, разве мне спешить не надлежало,
Чтобы стубить лишившего нас прав?
Дивилась бабка, женщины кричали:
«Спаси, господь! Он родился с зубами!»
Таков я был, и это означало,
Что буду я рычать и грызть, как пес.
Раз небо мне дало такое тело,
Пусть ад и дух мой также искривит.
Нет братьев у меня – не схож я с ними;
И пусть любовь, что бороды седые
Зовут святой, живет в сердцах людей,
Похожих друг на друга, – не во мне.
Один я. – Кларенс, берегись: ты застишь
Мне свет, – я черный день тебе готовлю.
Я брату нашепчу таких пророчеств,

429

Что станет Эдуард за жизнь страшиться;
Чтоб страх унять, твоею смертью стану.
И Генриха и принца нет в живых.
Сперва тебе, потом другим черед.
Пусть низок я, но ввысь мой путь ведет.

(Обращаясь к телу короля Генриха.)

Твой труп отсюда уберу скорей;
Мне в радость день гибели твоей.

(Уходит, унося тело.)

СЦЕНА 7.

Лондон. Покой во дворце.

КОРОЛЬ ЭДУАРД сидит на троне; КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА с маленьким
принцем на руках; КЛАРЕНС, ГЛОСТЕР, ХЕСТИНГС и свита.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Вновь мы сидим на королевском троне,
Что снова куплен вражескою кровью.
Каких врагов в расцвете их гордыни
Скосили мы, как урожай осенний!
Три Сомерсета, трижды знаменитых
Неоспоримой рыцарской отвагой;
Два славных Клиффорда – отец и сын;
И два Нортемберленда, – не бывало
Храбрей бойцов на грозном поле битвы;
Два злых медведя – Уорик с Монтегью,
Что царственного льва сковали цепью
И ревом заставляли лес дрожать.
Так все угрозы устранили мы,
И стала нам подножьем безопасность. –
Приблизься, Бесс, я поцелую сына. –
Ведь для тебя, мой Нед, отец и дяди
В броне зимою проводили ночи;
Пешком шагали в летний зной палящий
Чтоб ты владел своей короной в мире
И наших всех трудов пожал плоды.

ГЛОСТЕР (*в сторону*)

Когда умрешь, я жатву уничтожу.
Ведь мне сейчас почету мало в мире.

430

Горб дан мне, чтобы тяжести носить;
Груз подыму, иль он мне сломит спину.
Ты – проложи мне путь, а ты – исполни.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Кларенс и Глостер, вас прошу: любите
Супругу нашу; поцелуйте принца.

КЛАРЕНС

Долг верности монарху своему
Скреплю, поцеловав в уста младенца.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Спасибо, славный Кларенс; брат, спасибо.

ГЛОСТЕР

Свою любовь к родившему вас древу
Я докажу, целуя плод его.

(В сторону.)

Так целовал учителя Иуда,
Сказав: «Привет!» – и зло в душе тая.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Венца своих желаний я достиг:
Покой в стране, любовь в сердцах у братьев.

КЛАРЕНС

Как, государь, поступим с Маргаритой?
Ее отец Людовику в залог
Сицилию с Иерусалимом отдал –
И выкуп за нее они прислали.

КОРОЛЬ ЭДУАРД

Убрать ее, во Францию отправить?
Что остается нам, как не предаться
Веселым зрелищам и торжествам,
Какие подобают при дворе?
Греми, труба! Прощайте, все невзгоды!
Счастливые нас ожидают годы.

Уходят.

585

«ГЕНРИХ VI»

Перед нами, по всей вероятности, самые первые произведения Шекспира. Уже с конца XVIII века исследователи сходятся в том, что из всех пьес, составляющих шекспировский канон, три драмы, изображающие события царствования Генриха VI, были написаны ранее других. Но созданы они не в той последовательности, которая соответствует хронологии представленных в них событий. Сначала возникла вторая часть (1590), затем третья (1591) и, наконец, та пьеса, которая стала первой частью (1592) трилогии. Лишь в самое последнее время стали выдвигать предположение, что первая часть была написана до второй и третьей.

Вопрос о последовательности написания частей трилогии упирается в другой вопрос: был ли у Шекспира с самого начала замысел создания цикла исторических пьес, или трилогия сформировалась как бы сама собой. На это

трудно ответить, ибо столь же вероятны оба предположения. Конечно, соблазнительно поверить в то, что всеобъемлющий ум Шекспира уже с самого начала строил план серии пьес, охватывающих большой и важный период истории Англии. Но не менее естественно предположить, что, начиная драматургическую деятельность, он сначала выбрал одну тему, затем, убедившись в успехе, развил ее и довел свой цикл пьес сначала до объема трилогии, а затем и тетралогии (включая «Ричарда III», непосредственно примыкающего к третьей части «Генриха VI»).

Для публики шекспировского театра каждая из составляющих трилогию пьес существовала как самостоятельное драматическое произведение, и они ставились порознь. Более тесно связаны друг с другом вторая и третья пьесы, первая же стоит от них особняком, хотя сюжетные нити, связывающие их, протянуты между всеми частями цикла вплоть до «Ричарда III».

Основу канонического текста трилогии составляет текст, напечатанный в посмертном Собрании сочинении Шекспира в 1623 году. Издатели собрания Хеминг и Конделл не сомневались в принадлежности этих пьес Шекспиру. Но в конце XVIII века авторитетнейший шекспировед того времени Эдуард Мелон выдвинул положение о том, что Шекспир не был автором трилогии.

Мелон исходил прежде всего из критериев эстетических. Он считал эти пьесы недостойными пера автора «Гамлета». Свою точку зрения он

586

попытался обосновать, опираясь на объективные данные. Главной опорой ему послужило одно место в предсмертном памфлете Роберта Грина «На грош ума, купленного за миллион раскаяния» (1592). Обращаясь к собратьям по профессии, драматургам Марло, Пилю, Нешу, Грин заклинал их не доверять актерам. В особенности его возмущение вызвало то, что среди последних завелся один, кого он называет «вороной-высочкой, украшающейся нашими перьями». Этот актер стал писать пьесы и, по словам Грина, «считает себя единственным потрясателем сцены (shakescene) в стране». Игра слов ясно показывает, что Грин имел в виду Шекспира. Он при этом пародирует одну строку из третьей части «Генриха VI» («О сердце тигра в обличье женщины!») и следующим образом применяет ее к Шекспиру: «О сердце тигра в обличье актера!» Мелон истолковал это высказывание Грина так: Шекспир, мол, присвоил себе чужую пьесу и теперь красуется в чужих перьях.

Версия о Шекспире-плагиаторе просуществовала по крайней мере столетие. Ей искали и находили всяческие подтверждения.

Указывалось на несовершенство этих пьес по сравнению со зрелым творчеством Шекспира. Отмечались стиливые и фразеологические совпадения с произведениями современников. Но в особенности использовалось для отрицания авторства Шекспира следующее обстоятельство.

В 1594 году была напечатана пьеса, носившая пространное название: «Первая часть вражды между славными домами Йорк и Ланкастер, включающая смерть доброго герцога Хемфри, изгнание и смерть герцога Сеффолка, трагический

конец гордого кардинала Уинчестера, известное восстание Джека Кеда и первые притязания герцога Йоркского на корону». Содержание пьесы соответствует второй части «Генриха VI», но текст существенно отличается от текста F 1623 года.

Эта хроника имела продолжение, опубликованное в 1595 году: «Правдивая трагедия о Ричарде, герцоге Йоркском, включающая смерть доброго короля Генриха VI». Она соответствует по содержанию третьей части «Генриха VI».

Значительная часть шекспироведов XIX века считала, что эти две хроники принадлежат перу неизвестного предшественника Шекспира и что они-то будто бы послужили молодому стретфордцу источником для написания его пьес. Иначе говоря, считалось, что эти пьесы Шекспир присвоил себе, несколько подновив текст. Авторами «Первой части вражды между славными домами Йорк и Ланкастер» и «Правдивой трагедии Ричарда, герцога Йоркского», по мнению ряда критиков, могли быть Марло, Грин, Пиль или Кид.

Уже в XIX веке некоторые авторитетные шекспироведы отвергали все эти предположения и признавали Шекспира автором трилогии «Генрих VI». В 1864 году Томас Кенни в своем труде «Жизнь и гений Шекспира» высказал мнение, что две хроники, считавшиеся дошекспировскими, представляют собой не что иное, как искаленные, «пиратские» издания хроник самого Шекспира. Тогда на это высказывание не обратили внимания, но в наше время, когда текстологи установили действительно существовавшее деление прижизненных изданий пьес Шекспира на так называемые «хорошие» и «дурные» кварто, точка зрения Кенни получила подтверждение. Питер Александер в 1924 году доказал, что Кенни был прав и что названные две пьесы-хроники являются не источниками второй и третьей частей «Генриха VI», а их «пиратскими», искаженными вариантами.

Таким образом отпало самое «веское» доказательство, которым оперировали критики, отрицавшие авторство Шекспира. Что касается отзыва Грина, то смысл его не тот, какой ему приписывал Мелон. Дело в том, что писание пьес составляло профессию литераторов, обладавших университетским

587

образованием. То обстоятельство, что среди актеров завелся драматург, сочинявший пьесы не хуже «университетских умов», не на шутку перепугало их. Грина возмущало не то, что Шекспир будто бы присваивал чужие пьесы, а то, что он вторгся в чужую профессию.

Что касается эстетических и стиливых критериев, применявшихся в доказательство того, что Шекспир не был автором трилогии «Генрих VI», то они оказываются также несостоятельными. Несовершенство пьес вполне объяснимо молодостью автора и его неопытностью. Но даже при всех недостатках, которые может обнаружить в них строгая эстетическая критика, они написаны в общем на уровне, соответствующем состоянию английской драмы тех лет.

Наконец, стиливое сходство и фразеологические совпадения с произведениями других драматургов также не могут служить свидетельствами против авторства Шекспира. Это явление естественное, вытекающее как из единства стиливых особенностей господствующей драматургической школы, так и из того

непреложного факта, что писатели черпают лексический и фразеологический материал из разговорной речи и литературного языка эпохи.

Скруплезный стилиевой анализ, расщепляющий произведения на отдельные мелкие элементы, имеет значение для решения частных вопросов художественной формы. Но при этом не следует упускать из виду целого. А рассмотрение драм молодого Шекспира в их цельности с несомненностью показывает, что элементы внешней подражательности в них не так значительны, как своеобразие, отличающее их идейную и художественную направленность, которая у автора «Генриха VI» была иной, чем у двух ведущих драматургов той поры – Марло и Грина, наиболее часто называемых возможными авторами трилогии.

У Марло в «Эдуарде II», как и в других трагедиях, на первом плане была проблема личности. История служила ему лишь фоном или поводом для решения именно этой проблемы, волновавшей его более, чем другие вопросы, выдвинутые эпохой. Проблема личности не стоит ни в одной из пьес трилогии «Генрих VI», пафос которой составляет скорее антииндивидуализм. Шекспир здесь явно не следовал Марло. Его тема – судьба государства в целом. В этом он ближе к Грину, для которого тоже была характерна постановка проблем общества и государства. Но Грин решал их в идиллически патриархальном духе: король и народ едины в борьбе против произвола феодальных баронов.

Шекспиру чужды идиллические тенденции Грина. Какую бы часть трилогии мы ни взяли, мы видим нечто совершенно противоположное: распад всех патриархальных связей. В его пьесах вассалы восстают против короля, слуги – против господ, народ – против феодалов.

В исторических драмах Грина были значительны фольклорные («Джордж Грин, уэкфилдский полевой сторож») и романтические элементы («Иаков IV»). История для него во многом похожа на легенду или сказку. Иначе смотрит на нее Шекспир. Она для него – летопись судеб государства и народа.

Государственность – вот что отличает исторические драмы Шекспира уже в первую пору его творчества. Его исходная позиция определяется общенациональными интересами. И в этом смысле даже молодой Шекспир был национальным поэтом в самом точном смысле слова.

Начало драматургической деятельности Шекспира совпадает с периодом подъема национального самосознания английского народа. Этот подъем был обусловлен и тем, что завершился процесс формирования английской национальной монархии, и тем, что государство должно было отстаивать себя в борьбе против феодально-католической реакции, пытавшейся,

588

главным образом извне, навязать реставрацию старых порядков. Разгром «Непобедимой Армады» (1588), посланной с этой целью испанским королем Филиппом II к берегам Англии, необычайно стимулировал национальные патриотические чувства народа.

Но Шекспир сознавал не только этот факт. Его превосходство над Грином состояло в том, что он видел не только центростремительные, но и центробежные

силы, действовавшие в обществе, не только стремление к прочному государственному единству, но и тенденции, враждебные ему. Национальное и государственное единство было проблематичным. Пережитки старых сословных антагонизмов переплетались с нарождающимися новыми классовыми противоречиями. Стяжательские стремления всякого рода – и прежние династические, фамильные, основанные на феодальных привилегиях, и новые, покоившиеся на богатстве или личных притязаниях, – превращали общество в арену непрерывной и ожесточенной борьбы.

Такова картина, предстающая перед нами в трилогии «Генрих VI». Раздоры, смуты и войны сотрясают страну. Здесь нет законов и царит одно лишь право сильного. В этой анархии и заключается суть трагедии, переживаемой Англией. Основная идея трилогии, как и всех остальных пьес Шекспира из истории Англии, – идея необходимости национального единства, которое может быть обеспечено крепкой централизованной властью, возглавляемой королем. Именно эту позицию занимали гуманисты в борьбе против всего того, что мешало осуществлению их идеалов общественной гармонии. На том этапе такая позиция была прогрессивной.

Шекспир утверждает свою идею через раскрытие того зла, какое несут обществу и государству смуты и раздоры. Инстинкт подлинного драматурга подсказал ему именно такое, драматическое воплощение идеи.

Художественная форма, в которую Шекспир облек свои замыслы, была подготовлена предшествующим развитием драмы. Английский театр Эпохи Возрождения уже с первых шагов создает особый жанр, получивший название пьес-хроник (chronicle plays) или исторических хроник (histories). Они представляли собой драматизированные инсценировки исторических событий. С самого начала пьесы этого типа имели ясно выраженный политически тенденциозный характер. Прошлое в них рассматривалось как политический урок для современности. Особые условия делали это прошлое не столь отдаленным для зрителей шекспировского театра. Формы государственного и общественного быта феодальной эпохи еще далеко не были изжиты. Если буржуазное развитие и родило новые социальные отношения, то зачастую они еще отливались внешне в старую форму. Обуржуазившееся дворянство – достаточно показательный пример этого.

В жанровом отношении пьесы-хроники не обладали определенностью. Для многих из них было характерно эпическое построение действия. Такими были, в частности, пьесы-хроники, составившие данную трилогию. Впоследствии Шекспир сделает опыт приблизить хронику к трагедии («Ричард III», «Ричард II»), однако эпичность остается законом композиции большинства его драм из истории Англии.

Главным для молодого драматурга было насытить действие событиями. Они следуют одно за другим с калейдоскопическим разнообразием. Искусство раскрытия характеров, отличающее зрелое творчество Шекспира, еще находится здесь на примитивной стадии. Персонажи трилогии сравнительно мало индивидуализированы, характеры их односторонни, они не развиваются перед

нами. Пока что их главной чертой остается лишь определенность стремлений, заключающихся в большинстве

589

случаев в борьбе за утверждение себя, в жажде господства над другими, в мести и т. п. Но если психология шекспировских героев на этой стадии еще примитивна, то, во всяком случае, она достоверна и не поражает неестественностью, как это нередко случалось в драме на той стадии ее развития.

Уже в этих ранних пьесах сказывается важнейшая особенность шекспировской драматургии – ее поэтичность. Речи действующих лиц изобилуют яркими метафорами, красочными сравнениями, ибо герои Шекспира, как и сам он, мыслят образами. Однако пьесы трилогии, как и вся ранняя драматургия Шекспира, характеризуются в стилевом отношении тем, что все ресурсы образной речи лишь украшают ее, но еще не связаны столь органически с характером, поступками и драматической идеей произведения, как это будет у зрелого Шекспира. Стоит только персонажам коснуться какой-либо темы, как тотчас же рождаются образы и речь их складывается из сравнений и метафор, не необходимых для действия, но зато украшающих каждую мысль, высказываемую ими. Между поэзией, перлы которой встречаются уже в этих ранних пьесах, и действием нет того органического единства, которое составит одно из главных достоинств зрелой драматургии Шекспира. Вместе с тем уже здесь мы встречаемся со специфическим шекспировским умением чеканить выразительные поэтические определения, придающие афористичность языку его драм.

«О, как возрадовался бы доблестный Толбот, гроза французов, узнай, что, пролежав двести лет в гробу, он снова одерживает победы на сцене, а гибель его вызывает слезы на глазах по меньшей мере у десяти тысяч зрителей, которые, смотря трагедию в разное время, глядя на трагика, воплощающего его личность, воображают, что видят его самого, источающего кровь из свежих ран», – так писал Томас Неш (1592) о впечатлении, произведенном на современников первой частью «Генриха VI».

Действительно, король, имя которого носит пьеса, не является ее героем. В хронике вообще нет героя, вокруг которого строилось бы все действие, но Толбот является персонажем, привлекающим наибольшие симпатии.

В его лице Шекспиром представлен герой эпического типа. Толбот – рыцарь без страха и упрека, движимый любовью к родной стране, славу которой он стремится приумножить своими подвигами. Он одновременно носитель древних героических доблестей и живое воплощение идеи служения государству. Есть в Толботе черта, роднящая его с витязями старинных эпических поэм, не отделявших себя от народа. В этом смысле Толбот – полная противоположность герою-воителю типа Тамерлана у Марло, в котором преобладающим качеством было его стремление к утверждению своего господства над миром. Толбот – воплощенное отрицание индивидуализма и эгоизма, но как таковой он исторически мог быть у Шекспира только носителем патриархальной традиции.

Сущность его героизма прекрасно выражена в той сцене (11, 3), когда графиня Овернская заманивает его в свой замок. Графине, торжествующей, что ей удалось поймать Толбота в ловушку и тем самым лишить англичан их главной силы, доблестный воин отвечает, что она видит не Толбота, а лишь тень его, «малую толику», а весь он не влез бы под кровлей замка.

На трубный зов Толбота откликаются его воины, они вторгаются в замок, и рыцарь говорит графине, указывая на них: «Вот сущность – руки, мускулы и сила».

Да, сила Толбота – в его единстве с народом страны, составляющим воинство. И в этом смысле он противопоставлен Шекспиром Жанне д'Арк.

590

Изображение французской национальной героини в пьесе Шекспира вызвало у многих позднейших критиков резкое осуждение. Английского драматурга обвинили в том, что слепой национализм помешал ему увидеть Жанну во всем ее героическом величии. Но упреки, предъявляемые Шекспиру, исторически неосновательны. Можно ли было требовать от него большего, чем от соотечественников Орлеанской девы, сжегших ее на костре как колдунью? И разве мог Шекспир увидеть Жанну д'Арк не такой, какой она была в сознании английского народа, воевавшего против Франции целое столетие? Такой рисовали Жанну д'Арк английские хроники, и следует удивляться другому: несмотря на все предубеждение, укоренившееся в Англии против Жанны д'Арк, Шекспир нашел какие-то краски, чтобы сделать ее образ человечным. Шекспир не отказывает Жанне ни в храбрости, ни в уме, ни в способности возглавлять войска. Она фанатично любит Францию, ради которой готова пожертвовать спасением своей души. Своим патриотизмом Жанна умеет зажечь других. Так, ей удастся вернуть на сторону французов переметнувшегося было к англичанам герцога Бургундского.

Не приходится отрицать то, что в пьесе Шекспира Толбот и Жанна д'Арк противопоставлены друг другу как два разных воплощения воинственности и героизма. Однако главный акцент в этом контрастировании героев сделан не столько на национальных, сколько на социально-этических качествах. Толбот всегда взывает к лучшим побуждениям своих соотечественников, тогда как Жанна играет на их эгоизме, тщеславии и других подобных качествах. Символически это представлено в том, что Жанна обращается за помощью к злым духам (V, 3). В этом вообще суть ее колдовства, которое служит аллегорическим выражением того, что Жанна опирается на силы зла и тьмы.

Но если Шекспир лишил французскую героиню тех достоинств, которые обессмертили ее, то он наделил ими Толбота. Этот исторически существовавший, но малопримечательный воин, ничем не отличавшийся от других английских феодалов, превращен Шекспиром в идеального народного героя. Наделив его патриотизмом, самоотверженностью, высоким сознанием долга, Шекспир противопоставил Толбота не только французской воительнице, но и английским феодалам.

Если французский лагерь представлен в пьесе как сборище хищных и себялюбивых дворян, то и англичане, за исключением Толбота и его сына, да еще слабовольного Генриха VI, выглядят не лучше. Над еще не остывшим трупом Генриха V возникает ссора лорда-протектора Хемфри Глостера с епископом Уинчестерским. В то время как они борются между собой за власть, возникает еще более страшная междоусобица образуются партии Алой и Белой розы. Корыстные интересы феодалов берут верх над их долгом по отношению к нации и государству: Сомерсет оставляет Толбота без поддержки, и тот героически погибает в неравном бою против французов.

Достоин, в ореоле мученичества и героизма умирает Толбот, позорной казни предадут Жанну д'Арк. Но дева, безуспешно пытавшаяся смягчить палачей и вымолить себе спасение, проклинает победителей, призывая на их головы все ужасы мрака, разрушения и смерти. И зритель шекспировского театра знал, что означало это проклятие: оно было пророчеством о кровавой междоусобице, начало которой изображено в этой пьесе.

Сцена в саду около Тауэра, когда главари враждующих королевских семейств срывают цветы, – Ланкастер краевую розу, Йорк белую розу, – стала хрестоматийной. Но в истории о ней ничего нет. Это одна из тех поэтических фантазий Шекспира, удивительно угадывающего дух прошлого, придающего наглядность и выразительность тому, что в науке

591

остается абстракцией. У Шекспира геральдическая метафора облекается художественной плотью.

Общие контуры исторических событий переданы Шекспиром в соответствии сего источниками-хрониками Холла и Холиншеда. Следя за чем, как под пером молодого драматурга эпическое повествование преобразуется в цепь эпизодов, остроконфликтных по своему характеру, мы видим некоторые черты зарождающегося мастерства исторической драмы у Шекспира, который уже здесь, в одной из первых своих пьес, проявил дар живости и действенности в воспроизведении прошлого.

...Печально время наше.
Задушена здесь доблесть честолюбьем,
И милосердье изгнано враждою;
Повсюду злые козни и интриги;
Нет справедливости в стране родной.

Эти слова Глостера (III, 1) выражают центральную идею второй пьесы трилогии. Внешний конфликт – война с Францией – здесь уступает место изображению внутренних смут. Вражда между династиями Ланкастеров и Йорков перерастает в междоусобную войну. Перед нами картина государства, раздираемого борьбой хищнических стремлений. Между феодальными баронами идет война не на жизнь, а на смерть. Они не брезгают никакими средствами, чтобы уничтожить соперников» Коварные интриги, злобные наветы, тайные убийства и

открытые козни-все пущено в ход лордами, которые одержимы честолюбием и жаждой власти.

Лишь один из всей царственной знати – «добрый герцог Хемфри» Глостер – противостоит этому разгулу хищнического индивидуализма и феодальной спеси. Подобно тому как в первой части Толбот воплощал идеал самоотверженного патриотизма, так Глостер в этой пьесе выражает идеал бескорыстного служения государству. Одинокий среди бушующего моря кровавых интриг двора, он пользуется любовью народа, который видит в нем защитника закона и справедливости. Но Глостер все же феодал, и ему даже не приходит в голову опереться на поддержку народа ради утверждения мира и порядка, тогда как его противники готовы прибегнуть к любому средству, вплоть до использования в своих целях народа, который они презирают.

Благородство Глостера, его искреннее законопослушание раскрываются не только в контрасте с анархическим своеволием феодальных баронов, но и в сопоставлении с честолюбием его жены, мечтающей о короне. В облике герцогини Глостер нетрудно увидеть первый набросок характера, который предстанет перед нами впоследствии в леди Макбет. Здесь есть даже ведьмы-предсказательницы, правда, не столь поэтичные и символические, как в позднейшей трагедии; к тому же они возбуждают честолюбие жены, а не мужа и делают это не по велению таинственной Судьбы, а подосланные королевой, задумавшей ступить свою надменную соперницу. Для Глостера закон выше даже его любви к жене. Узнав, что она осуждена за то, что прибегла к помощи колдовства, он признает приговор справедливым. Но честность и законопослушание ни к чему в этом мире беззакония, и Глостер погибает, став жертвой козней его врагов.

Говоря, что Глостер одинок, мы не забыли о короле Генрихе VI. Он, правда, тоже прямодушен и беззлобен, но, преданный молитвам и постам, этот набожный монарх оказывается игрушкой в руках своей властолюбивой жены Маргариты и ее любовника Сеффолка. Беда государства

592

в том и состоит, что король – человек бессильный и неспособен взять в узду непокорных баронов. Он не в состоянии воспрепятствовать гибели единственного из своих приближенных, искренно преданного ему, – Глостера.

Большая трагедия, переживаемая государством, складывается из нескольких личных трагедий, сопутствующих судьбе различных деятелей этой обширной исторической драмы. Гибнет честный Глостер, но погибает и его враг кардинал Бофорт (он же епископ Уинчестерский в первой части трилогии). Прелат умирает, не добившись удовлетворения своих честолюбивых стремлений, и на смертном ложе с уст этого служителя церкви срываются богохульственные проклятия. Погибает и властолюбивый Сеффолк. Он уже был у цели: его любила королева, а ее власть давала ему возможность вершить судьбы страны. Но нужно было устранить последнее препятствие – Глостера, и убийство доброго герцога оказалось роковым для Сеффолка. Народ потребовал искупительной жертвы за

своего любимца, и Сеффолк был изгнан. Он пал бесславно от рук пиратов. Герцогиня Глостер, мечтавшая о короне и уже видевшая ее в своих снах на голове, подвергается унижительной казни. Наконец, мятежный самозванец Джек Кед, достигнув Лондона на гребне народного восстания, оказывается покинутым своими прежними соратниками и погибает жалкой смертью.

Так одного за другим – и правого и виноватого – наступает гибель, ибо в этом хаосе царит смерть. Но главным страдальцем является не кто-либо из этих гибнущих людей, а государство. Смерть большинства из них, исключая Глостера, является заслуженным возмездием за то, что свои интересы они поставили выше забот о благе страны. Даже интересы целого сословия, в глазах Шекспира, не могут быть поставлены выше общих целей и задач государства.

Как ни драматично изображение отдельных личных судеб в этой пьесе, содержащей в зародыше трагические мотивы и «Макбета» (герцогиня Глостер), и «Антония и Клеопатры» (Сеффолк и Маргарита), и некоторых других трагедий Шекспира, наибольшее значение имеет то, что Шекспир расширил поле исторической драмы, выведя на сцену народ. Уже в этой ранней пьесе Шекспира мы встречаемся с тем, что история рассматривается драматургом не только как поприще деяний выдающихся личностей, но и как арена социальной борьбы, в которой участвуют массы простых людей, составляющих непривилегированную часть общества. Уже сам по себе этот факт является лишним свидетельством авторства Шекспира, ибо он согласуется с тем раскрытием исторического процесса, какое мы находим в зрелых и неоспариваемых произведениях драматурга. Но не только это: трактовка народа во второй части «Генриха VI», в сущности, едина с той, которая дается Шекспиром в «Ричарде III», «Генрихе V», «Юлии Цезаре», «Гамлете» и «Кориолане».

О народе у Шекспира написано много, и много неверного, главным образом по причине неисторического подхода к этому вопросу. В частности, это относится к знаменитым сценам восстания Джека Кеда во второй части трилогии «Генрих VI».

Шекспира упрекали в том, что он враждебно относился к народу. Проявление этого видели в показе им анархических действий толпы, ее некультурности и, как говорили, бесцельной жестокости. Сцены восстания Джека Кеда толковались как выражение аристократизма Шекспира.

Неверно это прежде всего потому, что аристократия в данной пьесе, как и в других хрониках, предстает отнюдь не в более благоприятном освещении, чем народ. Нельзя сказать, что все эти Сеффолки, Бофорты,

Сомерсеты, Йорки нравственно превосходят простых людей. И те и другие одинаково непослушны закону, стремясь к удовлетворению своих интересов. Вернее здесь подчеркнуть иное, а именно то, что Шекспир глубоко почувствовал социальные корни борьбы, происходившей в обществе. У каждого сословия есть сознание своих интересов, и именно это движет им. Подобно тому как Шекспир точно отразил стяжательские стремления феодальных баронов, так же показал он и жажду народа удовлетворить свои первейшие материальные потребности.

Приглядимся внимательно к народному восстанию, изображенному в пьесе. Честолюбивый Йорк, посланный своими соперниками в Ирландию для подавления мятежа, придумывает способ, чтобы вернуться в Англию. Среди своих солдат он имеет преданного человека, которому поручает поднять народный бунт. Йорк рассчитывает на то, что страх перед восставшими крестьянами побудит врагов вызвать его для усмирения бунтовщиков. Первое, что следует отметить: Йорк понимает, насколько накопело недовольство народа феодальным режимом.

Когда Джек Кед выдает себя за графа Мортимера и заявляет о своих притязаниях на корону, среди народа находятся люди, отлично понимающие, что он самозванец, но это не мешает им последовать за Кедом. Народу безразличен повод, но ему нужен вождь и важна цель восстания. Чего желает народ, Джеку Кеду отлично известно, и он провозглашает это своей программой: «Так будьте же храбры, потому что начальник ваш храбр и клянется изменить все порядки. В Англии будут продавать семь полупенсовых булок за один пенс; кружка пива будет в десять мер, а не в три; и я объявляю государственной изменой потребление легкого пива. Все в королевстве будет общим... А когда я стану королем – а я им стану... – денег тогда не будет вовсе; все будут пить и есть на мой счет; и я всех наряжу в одинаковую одежду, чтобы все ладили между собой, как братья, и почитали меня, как своего государя» (IV, 2). Войдя победителем в Лондон, Джек Кед провозглашает: «Отныне все будет общим» (IV, 7).

Поразительна та точность, с какой Шекспир раскрывает действительные социальные стремления народа. Создавая этот эпизод, драматург сочетал в нем черты двух народных восстаний: Джека Строу и Роберта Кета. Восстание, поднятое по наущению Йорка, было тактическим ходом этого честолюбивого феодального барона в борьбе за свои притязания на престол. Шекспир, однако, придал этому эпизоду более глубокий смысл. Если Джек Кед и действовал в интересах Йорка, то крестьяне преследовали иные цели: они в самом деле борются за свои интересы. Программа, которую излагает Джек Кед, отражает стремление крестьянских масс к социальной справедливости. В ней выражен идеал уравнилельного коммунизма. Средневековые хроники Англии сохранили тексты лозунгов и прокламаций крестьянских восстаний той эпохи. То, о чем говорит Джек Кед, местами почти дословное повторение прокламации Роберта Кета, призывавшего к установлению общности имущества и примитивного равенства. Таким образом, Шекспир здесь отразил действительные стремления народа, жаждавшего замены феодальной эксплуатации строем, основанным на справедливости.

Эпизоды восстания, подавшие повод для обвинения Шекспира в антидемократизме, в действительности свидетельствуют о том, что драматург с большой реалистической правдивостью отразил характерные черты крестьянских восстаний средневековья. Естественно, что народный бунт принимал форму стихийных действий. Не менее естественна и та мстительность, которую проявили восставшие крестьяне по отношению к своим угнетателям. Шекспир это и показал. Понятно, что реакционные буржуазные критики смотрят на эти эпизоды в драме Шекспира глазами

людей господствующего класса и видят в действиях мятежных крестьян только разгул анархической стихии. Мы смотрим на это глазами объективных историков, и для нас очевидно, что действия, кажущиеся незаконными, на деле выражают справедливый гнев народа.

Восставшие крестьяне вешают четецкого клерка за то, что он грамотен и умеет подписать свое имя буквами, а не «каким-нибудь знаком, как все добрые честные люди». Ненависть восставших крестьян к грамотности понятна, ибо иона служила средством в руках эксплуататоров против народа. Податные списки, судебные повестки, несправедливые приговоры – в таком виде представляла письменность перед крестьянами. Вот почему они так враждебно относятся и к феодальной «законности». Джек Кед выражает то, что думали крестьяне, когда он заявляет лорду Сею: «Ты поставил мировых судей, чтобы они волокли на суд бедняков по таким делам, каких им и понять не под силу. Мало того, ты сажал их в тюрьмы, а если они не умели читать – вешал их. А между тем они только потому и были достойны жизни». И тот же Кед задает лорду Сею вопрос: «Ты едешь на лошади, покрытой попоной, ведь правда?» На недоумение знатного лорда, который не видит в этом ничего преступного, Джек Кед отвечает: «Не дело это – прикрывать свою лошадь плащом, когда люди почестнее тебя ходят в штанах и куртках» (IV, 7).

Картина народного восстания, созданная Шекспиром, передает типичные черты крестьянских волнений эпохи средневековья: протест против несправедливостей экономической и политической системы феодализма, стремление к социальному равенству, ненависть к угнетателям и их культуре, плебейские методы расправы с эксплуататорами.

Шекспир видел не только силу, но и слабость народных движений средневековья. Он показывает неустойчивость восставших крестьян, их податливость на уговоры и веру в доброту монарха. Полна глубокого трагического смысла сцена, когда Клиффорд уговаривает крестьян сложить оружие, а Джек Кед призывает их не смиряться (IV, 8). Этот эпизод напоминает знаменитую сцену на форуме в «Юлии Цезаре». Кеду не удастся удержать крестьян. Лживая демагогия Клиффорда принимается ими за чистую монету. Он взывает к их патриотизму и соблазняет выгодами от побед над французами. Джек Кед с горечью констатирует, что толпа с удивительной легкостью переметнулась на сторону короля и лордов.

Оставшись в одиночестве, Кед пытается скрыться. Образ этого авантюриста обрисован Шекспиром весьма выразительно. Хотя в уста Кеда вложены речи, выражающие действительные нужды и стремления народа, сам он отнюдь не был искренним защитником интересов крестьян, чье недовольство использовалось им как в интересах его покровителя Йорка, так и для собственного возвышения. Теперь, когда народ его покинул, Кед бесславно погибает.

Мелкий помещик, сквайр Айден (IV, 10), персонаж эпизодический, является носителем патриархальных добродетелей, и именно он осуществляет возмездие Кеду за ту смуту, которую тот внес, подняв народ на восстание. Но этот кентский

сквайр – фигура не столько реальная, сколько идеальная. Ибо мир и порядок, во имя которого он убивает Джека Кеда, в государстве не существуют. Он приносит королю отрубленную голову Кеда, наивно думая, что уничтожил источник смут в королевстве. Но тут же при нем происходит ссора сторонников Ланкастерского и Йоркского домов, а затем с катастрофической быстротой начинает разворачиваться борьба между двумя династическими ветвями, соперничающими в своих притязаниях на престол.

595

Вторая часть трилогии «Генрих VI» завершается не обычным для драмы финалом-победой или примирением, – а, наоборот, взрывом вражды и ненависти между противниками, и это предвещает ту жестокую кровопролитную борьбу, которая составит содержание следующей части.

Третья часть трилогии переносит нас в самый разгар войны Алой и Белой розы. Шекспир, следуя повествованию Холла и Холиншеда, отобрал наиболее выразительные эпизоды кровавой вражды между Ланкастерским и Йоркским домами. Более чем в первой и второй частях, драматизм здесь имеет чисто внешний характер. Словесные схватки сменяются поединками на мечах, враги беспощадно сражаются друг с другом, и кровь льется потоком. Йорки и Ланкастеры как бы состязаются в жестокости, достигающей кульминации в двух эпизодах. Клиффорд убивает беззащитного юного Ретленда, а королева Маргарита, поиздевавшись сначала, приканчивает Ричарда Йорка, сын которого мстит за это, убивая Генриха VI. Борьба идет с переменным успехом. Сначала Йорку удается согнать с престола Генриха VI, затем ланкастерская партия возвращается к власти, и, наконец, уже после гибели Ричарда Йорка его сыновья одерживают победу.

В этом круговороте кровавой борьбы выделяется личность одного из феодалов – «делателя королей» Уорика. Сначала он поддерживает Белую розу, и при его содействии Ричард Йорк достигает трона, но затем обида, нанесенная ему, побуждает его стать сторонником Алой розы, и он содействует восстановлению на престоле Генриха VI. Но и сам «делатель королей» не избегает превратностей войны. Он гибнет, и с его смертью партия Алой розы терпит поражение.

Уорик не единственный представитель жестокой силы феодальной знати. Почти все значительные персонажи пьесы отличаются энергией, мужеством, целеустремленностью и беспощадностью в борьбе. Таков Ричард Йорк, глава Белой розы, таковы его сыновья Эдуард и горбун Ричард, а в противоположном лагере – Клиффорд и королева Маргарита – «сердце тигра в обличье женщины», возглавляющая партию Алой розы. Именно она, а не ее слабовольный муж Генрих VI возглавляет ланкастерский лагерь.

Король Генрих VI, как и в предыдущих частях трилогии, здесь предстает человеком набожным, миролюбивым и совершенно бессильным совладать с непокорными феодалами. Хотя он и является как бы знаменем ланкастерской партии, но его же сторонники смотрят на него как на помеху и во время одной из битв прогоняют его с поля сражения.

В отдалении от поля битвы, сидя на холме, Генрих VI предаётся размышлениям. Он мечтает о тихой, мирной жизни и жалеет, что не родился бедным пастухом (II, 5).

Идиллические размышления короля прерываются аллегорическим эпизодом. Сначала с поля битвы приходит солдат, влача за собой труп убитого врага, которого он собирается ограбить, и узнает в нем собственного отца, а затем появляется солдат, убивший в битве своего сына.

Генрих VI, с печалью вззирающий на кровопролитие, произносит слова, полные глубокого смысла. Он как бы подводит итог всему своему царствованию:

О дни кровавые! О вид плачевный!
Когда воюют львы из-за пещер,
От их вражды бедняги-овцы терпят (II, 5).

Жанр хроники, взятый в целом, отличался тем, что абстрактному изображению добра и зла в средневековых моралите противопоставил конкретное изображение лиц и событий. В сцене, о которой мы говорим,

596

Шекспир вернулся к методу аллегории, присущему моралите, для того чтобы подчеркнуть обобщающее значение эпизода. Но в остальном драматург остается на почве реальных событий, связанных с династической борьбой.

В финале хроники намечается новая тема, связывающая ее со следующей пьесой. Начинает выдвигаться фигура сына герцога Йоркского – Ричарда Глостера, впоследствии короля Ричарда III. Ричард убивает Генриха VI, который перед смертью говорит в лицо палачу о неисчислимых бедствиях, которые тот принесет народу и стране своей жестокостью. А Ричард, пронзив мечом Генриха VI, предаётся мыслям о своем будущем, и в его речи звучат те же мотивы, которые мы услышим в первом монологе последней пьесы тетралогии – «Ричарде III». Он признает, что в душе его «нет места ни жалости, ни страху, ни любви». Природа, создав его уродом, лишила радостей любви, и у него остается одна цель в жизни – власть, к которой он пойдет, шагая через трупы собственных братьев (II, 6).

Подлинно трагической иронией наполнен финал хроники. Старший из сыновей убитого Йорка, король Эдуард, торжествует победу: «...снова мы на английском престоле, искупленном погибелью врагов». Белая роза победила, но один из победителей, Ричард Глостер, клянется «испортить эту жатву». Новый король, Эдуард, призывает братьев Кларенса и Глостера поцеловать его новорожденного сына и наследника, и горбатый Ричард, прикладываясь устами к младенцу, своей будущей жертве, шепчет про себя: «Так целовал Иуда...».

Торжество Йоркского дома мнимое. Червь междоусобицы подтачивает уже самую семью победителей. Зритель шекспировского театра знал, что мир в стране не наступил и еще предстоит долгая кровавая борьба, прежде чем утвердится порядок. Но перспектива замиренной, единой Англии виделась автору и зрителям уже в этой пьесе, в числе действующих лиц которой оказывается

Ричмонд, будущий Генрих VII, основатель династии Тюдоров. И Генрих VI пророчит: «Красивый этот мальчик принесет благословение родной стране» (IV,6).

Здесь важен не этот реверанс по адресу царствующей династии, а тот гуманистический идеал внутреннего мира и государственного единства, который составляет пафос всей исторической трилогии молодого Шекспира.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ ТРИЛОГИИ «ГЕНРИХ VI»

Действующие лица

Чтобы помочь читателю разобраться в сложных личных и политических отношениях между действующими лицами трех частей трилогии, даем краткие исторические сведения о них. Для более ясной картины династических отношений, облегчающей понимание некоторых подробностей борьбы за престол, изображенной как в данной трилогии, так и в трагедии «Ричард II» и двух частях трагедии «Генрих IV», мы даем в приложении генеалогическую таблицу английского королевского дома с XIV по XVI век.

Король Генрих (1422-1461; ум. 1471) был коронован девятимесячным ребенком. Тотчас же был создан регентский совет во главе с герцогом Бедфордом, заместителем которого (на время его отсутствия, так как Бедфорд был одновременно назначен регентом Франции) являлся герцог Глостер. События царствования Генриха VI, нашедшие отражение в драме, сводятся к войне с Францией и борьбе партий внутри государства. Хронологическая последовательность их такова.

Сразу после смерти Генриха V и почти одновременной смерти своего отца, малоумного Карла VI, дофин объявил себя французским королем под именем Карла VII и возобновил войну с Англией. Около 1430 года в народных массах Франции возникло мощное патриотическое движение, возглавленное простой крестьянкой Жанной д'Арк. Дела англичан резко ухудшились. Жанна д'Арк освободила от осады Орлеан. Вскоре крупнейший английский полководец Толбот попал в плен к французам, а другой военачальник, Фастолф, позорно бежал с поля сражения. Но в 1430 году Жанна была захвачена англичанами и через год, осужденная высшим французским церковным судом на оккупированной англичанами территории, сожжена как ведьма. В 1431 году девятилетний Генрих был коронован в Париже как король Франции. Все это, однако, мало улучшило положение англичан. В 1435 году их союзник герцог Бургундский перешел на сторону Франции. В том же году в Руане умер Бедфорд, после чего регентом Франции сделался до 1445 года герцог Ричард Йоркский. Ведение войны во Франции сильно затруднялось для англичан недостатком денег, раздором партий в Англии, а главное, ростом национального сознания в широких массах французского населения. В 1445 году Генрих женился на Маргарите, дочери очень бедного и почти безземельного короля Рене, и вскоре затем отдал ее отцу французские провинции Анжу и Мен. За годы 1449-1453 англичане потеряли свои

последние владения во Франции – Гюйенну и Гасконь, которые упорно защищал Толбот. Война закончилась без официального заключения мира.

В самой Англии тем временем происходила ожесточенная борьба между партией войны с Францией (эту партию возглавлял Глостер) и партией мира (епископ Уинчестерский и Сеффолк). Верх взяла вторая из них. Глостер был арестован и умер в 1447 году. Сеффолк, устроивший брак Генриха с Маргаритой во имя примирения с Францией, стал первым лицом в государстве, действуя в союзе с честолубивой и властной Маргаритой. Для распространенного в населении мнения о любовной связи между Сеффолком и Маргаритой серьезных оснований не имеется. Однако Сеффолк воспротивился против себя средние и низшие слои населения своей непомерной алчностью и надменностью. Многие лорды, недовольные окончанием войны и хищениями королевы и Сеффолка, стали открыто обвинять Сеффолка в государственной измене. В 1450 году король, хотя и неохотно, дал согласие на изгнание Сеффолка из Англии на пять лет, но сразу же после своего отплытия Сеффолк погиб от руки неизвестных убийц. Его заменил, как неофициальный правитель и помощник королевы, Сомерсет. В 1450 году Ричард Йоркский вернулся с войском из Ирландии и начал подготавливать государственный переворот. Он добился того, что в виду бездетности Генриха парламент назначил Йорка наследником престола. Но в 1453 году у Генриха родился сын, принц Эдуард. Вскоре, однако, Генрих заболел тяжелым наследственным недугом (перешедшим к нему от деда с материнской стороны, Карла VI) и стал совершенно неспособен к правлению. Йорк был назначен регентом, но, когда вскоре Генриху стало немного лучше, регентство было отменено. Тогда Йорк потерял терпение и поднял восстание. В битве при Сент-Олбенсе (1455) королевское войско понесло тяжелое поражение. Сомерсет был убит, а Генрих попал в плен. Йорк удовольствовался возвращением ему звания протектора и наследника

598

престола, согласившись на то, что Генрих пожизненно сохранит сан короля и связанные с этим преимущества. Но уже в следующем году было объявлено об улучшении в состоянии здоровья короля, протекторат был вновь отменен, а фактической правительницей страны стала Маргарита.

В 1459 году началась открытая война. Сторонник Йорка граф Уорик в 1460 году захватил Генриха в плен; Йорк был восстановлен в прежнем положении. Но в конце того же года Маргарита, собрав новое войско, в битве при Уэкфилде одержала крупную победу. Йорк был убит в сражении, а Солсбери взят в плен и казнен. В начале 1461 года Маргарита освободила Генриха из плена, в котором его держал Уорик. Однако армия ее начала таять, и ей пришлось отступить. Эдуард Йоркский, сын бывшего протектора, вступил в Лондон и короновался. В решающей битве при Таутоне 29 марта 1461 года войско Ланкастеров оказалось разбитым наголову, и Маргарита бежала в Шотландию, откуда безуспешно пыталась продолжать борьбу, добываясь помощи от французского короля. Генрих в 1465 году был захвачен и заключен в Тауэр. Но власть Эдуарда была еще

непрочна, и среди его сторонников началось брожение, особенно после брака Эдуарда в 1464 году с Елизаветой Грей. Новый король подпал под сильное влияние жены, награждая многочисленную ее родню землями и почестями в ущерб своим старым приверженцам. Вскоре от него отпали Уорик и женившийся на дочери Уорика брат Эдуарда Кларенс, после брака короля потерявший надежду на престол. Приняв участие в неудачном восстании 1470 года, они оба бежали во Францию, где, помирившись с находившейся там Маргаритой, образовали при помощи французского короля новую коалицию. В 1470 году Уорик высадился с вооруженным отрядом в Англии, где сразу нашел многочисленных сторонников, и восстановил Генриха на престоле. Эдуард бежал к Бургундскому герцогу, но через год вернулся, одержал ряд побед, занял Лондон и захватил в плен Генриха. Кларенс поспешил примкнуть к брату. В битве при Барнете Уорик потерпел поражение и был убит вместе со своим братом Монтегью. Вскоре из Франции прибыла с новым войском Маргарита, но и она была разбита в 1471 году при Тьюксбери. Принц Эдуард погиб в этом сражении, а Маргарита попала в плен, из которого ее освободил за большой выкуп в 1475 году французский король, после чего она провела остаток жизни во Франции. В день вступления Эдуарда в Лондон его сторонники убили заключенного в Тауэре Генриха.

Из сопоставления этого очерка с трилогией Шекспира можно заключить о степени близости драматурга к исторической канве событий, взятой в целом. Отдельные мелкие отступления Шекспира от фактических данных по большей части отмечены в примечаниях к тексту.

Часть первая

Стр. 88. Мы в трауре, – зачем мы не в крови? – Мстя французам, ибо Генрих V умер во время войны с Францией, хотя и не на поле битвы, а от болезни.

Стр. 90. С герба у нас все лилии сорвали. – Лилии были изображены на гербе французских королей. После номинального присоединения при Генрихе II всей Франции к Англии лилии стали изображать также на английском гербе.

Стр. 93. Марс – в двояком значении: на земле – как бог войны, и в небе – как планета. Путь планеты Марс в то время еще не был изучен.

599

Стр. 94. Фруассар (1338-1410) – известный французский хронист, историк Столетней войны.

Оливье – соратник Роланда в «Песни о Роланде», старофранцузской героической поэме (ок. 1100 г.).

Их руки, верно, тайная пружина заводит, чтобы били как часы. – Образ, подсказанный распространенным в то время типом стенных или башенных часов с фигуркой, отбивающей молотком время.

Стр. 96. Дебора – пророчица и воительница, упоминаемая в библии.

Стр. 98. Но я подобна дерзостной галере, что Цезаря с его судьбой несла. – Плутарх рассказывает, что однажды Юлий Цезарь, желая незаметно пробраться к своим войскам, сел на корабль, переодевшись рабом. Поднялась буря, вызвавшая среди матросов панику. Тогда Цезарь, подойдя к кормчему, открылся ему и сказал: «Друг, ты везешь Цезаря, а вместе с ним его счастье». Матросы сразу успокоились, и корабль благополучно закончил свое плавание.

Не вдохновлял ли голубь Магомета? – Во «Всемирной истории» современника Шекспира Уолтера Роли рассказывается, что Магомет, приучив голубя клевать у него с уха пшеничные зерна, убедил арабов, что это посланец святого духа, нашептывающий ему божественное откровение.

Елена, мать римского императора Константина, сделавшего христианство государственной религией (IV в. н. э.), считалась пророчицей, так же как и «четыре дочери Филиппа», упоминаемые в «Деяниях апостолов».

Стр. 100. ...в бурых кафтанах. – В бурых кафтанах ходили прислужники духовного суда. Слуги Глостера, как служители светской власти, были одеты в синие кафтаны.

Ты, бритый поп... – У католических духовных лиц выбривается кружок на темени (тонзура).

Распутницам грехи ты отпускаешь... – Одной из статей дохода епископа Уинчестерского был налог, взимавшийся с публичных домов в Саутворке, предместье Лондона.

Тебя в твою же шляпу я упрячу. – Намек на широкополую шляпу, какие носят кардиналы.

Здесь твой Дамаск... Коль хочешь, брата Авеля убей. – По преданию, Каин убил Авеля в окрестностях Дамаска.

Стр. 105. Отмщу, Плантагенет... – Солсбери, сын Эдуарда III, носил королевскую фамилию Плантагенет.

...гром и молния. – Очевидно, гром и молния вызваны «чарами» Жанны д'Арк.

Стр. 106. Дофин и дева, девка и дельфин. – Толбот, издеваясь, играет созвучиями слов: дофин – дельфин, дева – девка.

Я кровь тебе пушу... – Существовало поверье, что пустивший колдунье кровь становился неподвластным ее чарам.

Стр. 107. Как Ганнибал, не силой – страхом... – Намек на военную хитрость Ганнибала, который спасся от римлян тем, что погнал на них стадо быков с горящими ветвями на рогах.

Стр. 108. Астрея – дочь Юпитера, богиня справедливости; согласно мифу, она в незапамятные времена покинула землю и с тех пор под именем девы сияет на небе в качестве одного из созвездий.

Как сад Адониса... – В праздник Адониса (олицетворяющего умирающую зимой и затем оживающую весной растительность) древние греки сажали в горшки или черепки с землей быстро расцветающие и так же быстро гибнущие растения.

600

Родопы (VI в. до н. э.) – греческая куртизанка; по преданию, воздвигла в свою честь пирамиду в Египте.

Чем Дария блистательный ларец. – Среди добычи, захваченной Александром Македонским, когда он победил персидского царя Дария, был драгоценный ларец, в котором впоследствии Александр хранил список поэм Гомера.

Святая Франции – лишь Жанна Д'Арк. – Патроном Франции издавна был св. Дионисий (Сен-Дени), в аббатстве которого близ Парижа находилась усыпальница французских королей.

Стр. 115. Скифянка Томирис... – Царица скифского племени массагетов Томирис, мстя за убийство своего сына персидским царем Киrom, убила Кира и погрузила его отрубленную голову в сосуд с кровью, дабы кровожадность его могла насытиться.

Стр. 122. Де-Ла-Пуль, сокращенно Пуль – фамилия (старинного нормандского происхождения) Сеффолка.

Сейчас ему охраной это место. – Темплъ, владение рыцарей-тамплиеров (храмовников), считался священным местом, где воспрещалось всякое насилие.

Стр. 125. Генрих Монмут – король Генрих V, получивший такое прозвание по месту своего рождения.

Стр. 135. Элтем – дом, где Генрих воспитывался до провозглашения его королем.

Стр. 140. Геката, у римлян – богиня ада, в средневековых поверьях – повелительница ведьм.

Синьор – модное в то время обращение (по происхождению итальянское), употребленное здесь в насмешку.

Стр. 141. Пендрагон – легендарный отец героя старых английских сказаний короля Артура.

Стр. 143. Дух-покровитель – очевидно, злой дух или дьявол, который ей помогает.

Стр. 148. При коронации займите место. – Генрих, уже короновавшийся королем Англии, говорит здесь о предстоящем ему короновании королем Франции.

Повинен смерти обнаживший меч. – Воспрещалось обнажать оружие в тех местностях, где в данный момент пребывал король.

Стр. 154. ...Король шотландский тоже, мол, в короне? – Мысль Генриха VI, выраженная немного туманно, заключается в следующем: выбор алой розы так же мало свидетельствует о его пристрастии к Сомерсету, как и ношение короны – о симпатии к исконному врагу Англии королю Шотландии, который также носит корону.

Стр. 157. Песок, что начал сыпаться в часах, течения своего не завершит. – То есть не пройдет и часа (обычная мера времени на песочных часах).

Стр. 165. Так за отцом иди, Икар злосчастный! – Подобно тому как Дедал сам изготовил для своего сына Икара крылья, ставшие причиной гибели юноши, так и Толбот увлек на войну сына, которому было суждено на ней погибнуть.

Смерть горестная, плена жребий злой, вы мне смешны, коль здесь мой сын-герой. – Выражение «плена жребий злой» не вполне понятно в подлиннике. Видимо, Толбот у Шекспира хочет сказать: если даже враги, прежде чем я умру, успеют захватить меня в плен, тем самым еще отягчив мои предсмертные страдания, то и эти муки окупятся сознанием, что мой сын вед себя как герой.

601

Стр. 167. Алкид – одно из наименований Геркулеса.

Стр. 169. Римский император – этот титул, в те времена уже чисто номинальный, носил германский император.

Стр. 170. Лорд Уинчестер уж повышен в званье, и получил он кардинальский сан? – Небрежность Шекспира, – Уинчестер уже раньше (акт I, сцена 3) был изображен кардиналом.

Стр. 173. Вы, что владыке севера покорны... – Главным местопребыванием злых духов считался Северный полюс.

Стр. 174. В знак мира вечного я эти пальцы целую и кладу на бок твой нежный. – Из почтительности Сеффолк целует не ее руку, а свою и затем уже позволяет себе поддержать ее за талию.

Часть вторая

Стр. 197. Пятнадцатую долю просит Сеффолк... – В случае экстренных расходов с населения взимался дополнительный налог в размере одной пятнадцатой всех обычных налогов за год.

Стр. 199. Пошло вслед за гордыней – честолюбье. – Гордыня – Сеффолк и Уинчестер, честолюбье – Бекингем и Сомерсет.

Брат Йорк... – Йорк был женат на сестре Солсбери.

Йорк то же говорит, и с большим правом. – Йорк считает себя имеющим права на престол.

Стр. 200. ...Как роковая голова Алфеи срослась когда-то с сердцем Мелеагра. – Матери Мелеагра Алфее было предсказано, что жизнь ее сына будет длиться, пока будет сохраняться выхваченная ею из очага головня. Алфея долго берегла эту головню, но однажды, рассердившись на сына, бросила головню в огонь, и, когда она догорела, Мелеагр умер.

Невиллы – здесь расширительно, в применении к Йорку и Солсбери, состоявшим в родстве с этой знатной фамилией.

Стр. 205. ...огородившего Мелфордские выгоны. – В XV и XVI веках английские помещики усиленно занимались огораживанием, то есть экспроприацией общинных крестьянских земель, обращая их в пастбища для своих овец, что приводило к обогащению помещиков и разорению деревенской бедноты. Процесс этот с исчерпывающей полнотой освещен К. Марксом в «Капитале» (т. I, гл. XXIV).

Стр. 211. Лорд Сомерсет меня удержит здесь без отпуска, без денег и оружия, пока дофин не заберет весь край. – Намек на поведение Сеффолка в отношении Толбота (см. часть первую, акт IV, сцены 3 и 4).

Стр. 216. Однако он переживет его. – Нарочитая неясность (кто кого переживет?), типичная для «предсказателей».

Латинская цитата: *Aio te...* – знаменитый двусмысленный ответ дельфийского оракула эфирскому царю Пирру, означающий либо: «Эакид [то есть Пирр] может победить римлян», либо: «Римляне могут победить Эакида».

Стр. 217. Старый Джон – кличка одного из соколов.

Стр. 219. Двуручный меч – тяжелый меч с широкой рукоятью, за которую брались двумя руками.

Стр. 228-229. Тот Эдмунд... потребовал корону... – Шекспир, следуя Холиншеду, допускает здесь ту же ошибку, что и в первой части «Генриха VI», а также в «Генрихе IV»: претендентом на престол был не упомянутый здесь Эдмунд Мортимер, а его племянник, тоже называвшийся Эдмундом Мортимером, сын рано умершего Роджера Мортимера, старшего сына Филиппа.

602

Стр. 232. ...привешен мешок с песком. – В отличие от дворян, сражавшихся на поединках мечами, горожане дрались между собой палками с привешенными к ним мешочками с песком.

Стр. 246. ...как стенаньем прохожих завлекает крокодил. – Старинное поверье, на котором основано выражение «крокодиловы слезы».

Стр. 247. И стану я духовником его. – То есть приготовлю к смерти, облегчу ему смерть.

Стр. 249. Керны – легковооруженные ирландские воины-крестьяне.

Стр. 251. ...Как в пляске дикий мавр. – Речь идет не о подлинных маврах, а об исполнителях весьма популярной в Англии «Мавританской пляски».

Стр. 254. Василиск – сказочный зверь, убивающий одним своим взглядом.

Стр. 255. Я вихри добрые кляла, а также того, кто выпустил их из пещеры. – Бог ветров Эол держал ветры запертыми в пещере, откуда иногда выпускал их на волю.

Как некогда повествовал Асканий... с тех пор, как в пламени погибла Троя. – Эпизод из «Энеиды» Вергилия. Под видом Аскания, сына Энея, с Дидоной беседовал Амур, стремившийся внушить ей любовь к Энею.

Стр. 262. Как стоны мандрагоры... – По народному поверью, когда вырывают из земли корни мандрагоры, она издает стоны, как живое существо.

Стр. 264. И слезы лью, подобно южным тучам! – Дождь в Англии обычно вызывается облаками, приносимыми южным ветром.

Стр. 265. Ирида – вестница богов, которая, выполняя их поручения, проникала иногда в морские глубины и даже в преисподнюю.

Стр. 267. ...гонят кляч, что тащат ночь, исполненную скорби. – Мифологический образ Ночи, которую влекут драконы, здесь фигурально названные клячами.

Пинасса – большое парусное судно, приспособленное для дальних плаваний.

Стр. 269. Готье – старинная, иногда употреблявшаяся в дворянских грамотах форма имени Уолтер. Последнее созвучно со словом «уотр» (water – вода), пугающим Сеффола (см. предсказание духа в акте I, сцене 4), и потому Сеффола пытается заменить его архаической формой «Готье».

Стр. 270. Сэр Пуль! Милорд болотный! – Пуль (фамилия Сеффола) созвучно с английским словом «пул» (pool) – лужа, прудок.

Сердце матери пожрав... – Мать – в смысле «родина».

Стр. 271. Убийством неповинного монарха. – Ричарда II (см. трагедию Шекспира «Ричард II»).

Баргул, Илирии прославленный пират. – Об этом пирате древности, мало известном в истории, упоминает в одном из своих сочинений Цицерон.

Стр. 272. ...римский раб зарезал Туллия; бастардом Брутом заколот Юлий Цезарь; дикарями Помпеи... – Туллий – Марк Туллий Цицерон. Брут, по преданию, был незаконным сыном Юлия Цезаря. Помпей, соперник Юлия Цезаря, был убит не дикарями, а правителями Египта, желавшими угодить Цезарю.

Стр. 276. Чипсайд – одна из людных лондонских улиц, которую Кед намеревался превратить в общинный луг.

603

Жалит пчелиный воск. – Восковая печать прикладывалась к долговым обязательствам.

Стр. 277. Эммануил... Да ведь это имя пишут в заголовках бумаг. – Словом «Эммануил», означающим по-древнееврейски «с нами бог», начинались многие официальные бумаги.

...есть свой особенный знак... – Неграмотные вместо подписи ставили на документах знак. Впрочем, то же самое нередко делали и грамотные.

Стр. 281. Пусть будет пост вдвое длиннее... бить сто штук без одно и. – Дику предоставляется монополия на убой скота во время великого поста (длящегося семь недель перед праздником пасхи), тогда как другие мясники лишены были этого права.

Стр. 282. Саутуорк – предместье Лондона за Темзой, к югу от города.

Стр. 283. Килдингуорт – ныне Кенильуорт, город и замок близ Стретфорда.

Стр. 285. Лондонский камень – старинный камень неизвестного происхождения, находящийся в лондонском Сити. Прикосновение к нему считалось символом овладения Лондоном.

Стр. 286-287. Безимею – искажение грубого французского ругательства («поцелуй меня в...»).

Стр. 287. В своих «Записках»... – В «Записках о галльской войне».

Стр. 293. Галлогласы – тяжеловооруженные ирландские воины.

Стр. 298. И словно в древности Аякс, готов я обрушить ярость на быков и коз. – Аякс, один из героев сказания о Троянской войне, хотел отомстить оскорбившим его грекам. Но Афина Паллада, желая охранить их, помрачила его разум, и он стал избивать рогатый скот, приняв стада его за греков.

Стр. 301. И взор мой, как Ахиллово копье... – Копье Ахилла обладало тем чудесным свойством, что, нанеся рану, само же могло исцелить ее прикосновением к ней.

Стр. 303. Позвать двух храбрых медведей моих... Пусть Солсбери и Уорик к нам придут... – На гербе Невиллов, фамилию которых носили Солсбери и Уорик, был изображен медведь, посаженный на цепь.

Стр. 304. ...И сквозь очки выискивать беду? – Предполагается, что Солсбери от старости стал плохо видеть, и, чтобы разглядеть зло, ему надо было надеть очки.

Стр. 305. Клейменный зверь... – Природа «заклеймила» Ричарда уродством.

Стр. 308. Пусть грозно грянет судная труба... – По христианскому верованию, в день Страшного суда громкая труба пробудит всех умерших, над которыми Бог произнесет свой приговор, отправив души одних навеки в ад, а души других – в рай.

...как Медея изрезала Абсирта молодого. – В сказании об аргонавтах рассказывается, что дочь колхидского царя Медея бежала с обольстившим ее Ясоном, который похитил у ее отца «золотое руно». Когда, уплывая на корабле возлюбленного, она увидела преследующие их корабли отца, она разрубила на куски захваченного ею с собой маленького брата Абсирта и побросала их в море. Царь остановил свой корабль, чтобы собрать останки сына, а беглецы воспользовались этим и ускользнули.

Как некогда Эней Анхиза нес. – В «Энеиде» Вергилия рассказывается, что Эней вынес на плечах из пылающей Трои своего дряхлого отца Анхиза.

Так-то герцог Сомерсет своею смертью колдуна прославил. – Сомерсету было предсказано, что он должен опасаться «замков». По соседству с местом его смерти оказался трактир под вывеской: «Сент-Олбенский замок» (обычная двусмысленность предсказаний).

Часть третья

Стр. 313. ...лорд Клиффорд и лорд Стеффорд... погибли от мечей простых солдат. – Небрежность Шекспира: в первой части трилогии (акт V, сцена 2) Клиффорд погибает от меча Йорка. Здесь Шекспир следует Холиншеду, от которого ранее отступил.

Стр. 314. Вот короля трусливого дворец. – Так названо здесь, в переносном смысле, здание парламента.

Стр. 315. Лишь звякну я бубенчиком своим. – Уорик сравнивает себя с одним из охотничьих соколов, к лапкам которых привязывались бубенчики.

Стр. 316. Мое наследье – герцогство и графство. – От отца Йорк наследовал герцогство Йоркское, от матери – графство Марч.

Стр. 317. Отцов убили ваших. Отца Клиффорда и отца Нортемберленда.

Стр. 318. Брат милый... – В расширительном смысле: родственник. Шекспир ошибочно считал, что Монтегью был зятем Йорка.

Стр. 322. Песчинки жизни сочтены в часах. – В воображаемых песочных «часах жизни».

Фаэтон – сын бога Аполлона, выпросивший у отца разрешение править «колесницей Солнца», но не сумевший сдержать разбежавшихся коней и разбившийся насмерть. «Фаэтоном» иронически называет Клиффорд «Йорка, который не справился с поставленной им себе задачей.

Стр. 334. Дик – уменьшительное от имени Ричард.

Стр. 335. Родитель твой зовется королем Иерусалимским, Неаполитанским и Сицилийским. – Все перечисленные владения принадлежали Рене лишь номинально.

Стр. 336. О, злее в десять раз гирканских львов. – Гирканией у античных географов называлась область, простиравшаяся к югу от Каспийского моря. Гирканские тигры считались в древности особенно свирепыми.

Стр. 350. Ты, неаполитанское железо, покрытое английской позолотой. – Намек на бедность Маргариты, дочери Рене, который лишь считался неаполитанским королем.

Дам тысячу я крон за пук соломы... – Распутных или очень сварливых женщин наказывали тем, что предавали их публичному осмеянию, привязав к ним пучок соломы.

Стр. 352. Кровь брата твоего, что пролил Клиффорд. – Речь идет не о Монтегью (единственном брате Уорика, который выведен в трилогии; он погибнет позже, см. акт V, сцена 2), а о каком-то малоизвестном побочном сыне Солсбери, о котором Холиншед вскользь сообщает, что он пал в битве при Таутоне.

Стр. 353. Молю тебя... – Эдуард обращается к богу.

Стр. 354. Когда пастух себе на пальцы дуя... – Чтобы согреть их в морозное утро.

Стр. 356. Плох ветер, если дует он без пользы. – Пословица, имеющая тот смысл, что нужно уметь из всего извлекать пользу.

Стр. 357. Мой сын, тебе дал жизнь я слишком рано, и отнял жизнь я эту слишком поздно! – Эта фраза,

605

толкование которой сильно затрудняет комментаторов, по-видимому, должна означать следующее: я слишком поторопился дать тебе жизнь, то есть дал ее тебе необдуманно, напрасно, а раз уж так случилось, то лучше бы уж я отнял ее тогда, когда ты был несмыслящим младенцем, и я еще не успел к тебе привязаться.

Стр. 362. Пусть буду Кларенс я, а Глостер – Джордж; в том герцогстве есть что-то роковое. – Несколько герцогов Глостерских, живших в ту эпоху, окончили жизнь трагически, как и сам Ричард, говорящий эти слова.

Стр. 367. Ричард Грей... – Маленькая неточность со стороны Шекспира: мужа леди Грей звали Джоном.

Утратил жизнь в борьбе за Йоркский дом. – Другое отступление Шекспира от хроники Холиншеда, на этот раз, вероятно, сознательное: Джон Грей погиб, сражаясь на стороне Ланкастеров.

Стр. 373. Днем дольше, чем пристало длиться чуду. – Существовала пословица: «Чудеса длятся девять дней».

Стр. 375. ...иль как медвежонок, что матерью своею не облизан и не воспринял образа ее. – Существовало мнение, что новорожденный медвежонок представляет собой бесформенную массу и приобретает очертания лишь после того, как медведица его оближет.

Стр. 376. Синон – греческий воин, придумавший хитрость с деревянным конем, при помощи которой греки проникли в Трою и овладели ею.

Протей – греческое божество, обладающее способностью менять свой облик.

Стр. 377. То граф наш Уорик... – По понятиям Маргариты, всякий английский граф – ее подданный, «ее граф», хотя бы он и восставал против нее.

Стр. 378. Вот поднимается вторая буря. – Намек на предыдущие слова Людовика XI: «Рассудим мы, как бурю укротить».

Благоволишь отдать свою сестру, принцессу добродетельную Бону. – Фактическая неточность: Бона была сестрой не французского короля Людовика XI, а его жены.

Стр. 379. Джон Гант, Испании завоеватель славный. – Некоторое преувеличение. Джон Гант на основании своего брака с дочерью короля Кастилии Педро Жестокого заявил притязания на кастильский престол. Он предпринял поход в Испанию и одержал там несколько небольших побед, но вскоре был вынужден безрезультатно вернуться домой.

Стр. 381. Его страшит не злоба – лишь презренье. – Эдуарда страшит не чья-либо зависть или злоба, а лишь опасение как бы Бона не отвергла его любовь.

Стр. 383. Иль я простил племянницы обиду? – Холиншед сообщает, что однажды Эдуард, гостя в замке у Уорика, пытался обесчестить не то дочь его, не то племянницу.

Стр. 384. ...что посылает король Людовик ряженных к нему. – Существовал обычай посылать на свадьбу к друзьям ряженных. Здесь под «ряженными» Людовик подразумевает войска.

Стр. 385. Скажи, что ивовый венок надену. – Ивовый венок – один из излюбленных образов английской народной поэзии, символ несчастной любви. Здесь он употреблен иронически.

Дочь старшую мою, отраду жизни, свяжу с ним узами святого брака. – Неточность: с принцем Эдуардом была обручена не старшая, а младшая дочь Уорика, леди Анна. Старшая дочь

606

была отдана в жены Кларенсу. Свою ошибку Шекспир исправил в «Ричарде III», где вдовой принца Эдуарда изображена леди Анна.

Стр. 389. Лорд Хестингс заслужил своею речью наследницу взять лорда Хенгерфорда. – Когда умирал глава владетельного рода, то в случае отсутствия у него наследников мужского пола и наличия женского потомства король имел право выбрать для наследницы мужа. Этой привилегией короли пользовались для возвышения и обогащения своих любимцев. В данном случае король женил на наследнице лорда Хенгерфорда не Хестингса, а его сына.

Стр. 390. Я низкого рожденья не была. – Леди Грей по женской линии была в родстве с Генрихом V.

Стр. 392. Младшая – за мной. – Как уже отмечено, Кларенс женился на старшей дочери Уорика.

Стр. 394. И как Улисс и храбрый Диомед... вывели оттуда фракийских роковых коней... – Грекам было предсказано, что они не смогут взять Трои, если кони фракийского царя Реза, союзника троянцев, хоть один раз насытятся троянским кормом и напьются из протекавшей у стен Трои реки Ксанфа. Узнав об этом, греки сразу же по прибытии к Трое Реза, пользуясь ночной темнотой, выкрали его коней.

Стр. 402. Ко мне приблизься, Англии надежда. – Это подчеркивание значения юного Ричмонда, права которого на корону были ничтожны (см. об этом ниже, в заметке о действующих лицах «Ричарда III»), объясняется той ролью, какую он впоследствии сыграл в политической истории Англии, став основателем династии Тюдоров и дедом королевы Елизаветы (см. генеалогическую таблицу).

Стр. 413. Атлас (или Атлант) – мифический великан, поддерживающий на своих плечах небосвод.

Стр. 415. Иевфай – упоминаемый в библии вождь израильский, который, ведя в бой войска, дал обет богу в случае победы принести ему в жертву первого, кто выйдет ему навстречу из города. Первой вышла его собственная дочь, которую он и принес в жертву.

Стр. 416. Чем дерево Юпитера... – Священным деревом Юпитера считался дуб.

Стр. 419. Нед – уменьшительное от имени Эдуард.

Стр. 421. Гамский замок находился в Пикардии, которая в ту пору была еще под властью англичан.

Стр. 422. Чтоб встретиться в Иерусалиме горнем. – В раю.

Эзопа басни... – Колкость этого замечания заключается в том, что Эзоп, по преданию, был горбат, как и Ричард.

Стр. 426. Росций (III в. до н. э.) – знаменитый римский актер.

Стр. 427. Да, я – Дедал, мой бедный сын – Икар... чьи волны поглотили жизнь его.- Спасаясь от преследований критского царя Миноса, Дедал смастерил для себя и для своего сына Икара крылья из воска. Но, когда они полетели, юноша слишком приблизился к солнцу, которое растопило воск. Икар упал в море и утонул.

Пришел ты... – Он не успевает, по-видимому, договорить: [родился] ногами вперед, что считалось приметой злодея. Получив смертельный удар, Генрих заканчивает фразу иначе.

Стр. 429. Ты – проложи мне путь, а ты – исполни. – Произнося первое «ты», он показывает на свою голову, произнося второе – на руку.

Стр. 430. ...как не предаться веселым зрелищам. – Имеются в виду театральные зрелища.

А. Смирнов

¹ Да сделают это боги высшей твоей хвалой! (*Лат.*)

² «Радуйся, дева Мария» (*католическая молитва*).